

На правах рукописи

САЙФУЛЛАЕВА ЗУЛАЙХО АБДУЛХАМИДОВНА

**ВКЛАД РУССКИХ ВОСТОКОВЕДОВ В ИССЛЕДОВАНИЕ
ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(с конца XIX века по 70-е годы XX века)**

АВТОРЕФЕРАТ

на соискание учёной степени доктора филологических наук по
специальности 5.9.2. Литературы народов мира

Душанбе – 2025

Диссертация выполнена на кафедре таджикского языка Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Научный консультант: **Имомзода Мухаммадйусуф Сайдали** – доктор филологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана

Официальные оппоненты: **Салими Носирджон Юсуфзода** – доктор филологических наук, профессор, академик Национальной академии наук Таджикистана, член Центральной комиссии по выборам и референдумам Республики Таджикистан.

Охониёзов Варка Дустович – доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы Бадахшана Института гуманитарных наук им. Б. Искандарова НАН Таджикистана

Курбонзода Рухшона Курбон – доктор филологических наук, проректор по международным связям Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни

Ведущая организация: Институт языка и литературы имени Абуабдуллоха Рудаки при Национальной академии наук Таджикистана

Защита диссертации состоится 30 декабря 2025 года, в 13:30 часов на заседании диссертационного совета 73.2.012.04 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук при Таджикском национальном университете (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 21).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Таджикского национального университета (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17) www.tnu.tj

Автореферат разослан « _____ » _____ 2025 года.

**Учёный секретарь
Диссертационного совета**

Садуллоев Дж.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию вклада русских востоковедов в исследование становления и развития русского востоковедения периода с конца XIX века по 70-е годы XX века.

Актуальность и значимость темы исследования. Наука востоковедения является специфическим научным направлением, исследующим и раскрывающим специфику литературы и культуры, специализирующейся на изучении жизни, этики и традиций, языка, литературы, истории искусства, религии и других отраслей жизни народов Востока, в частности, персоязычных народов.

Россия является одним из наиболее древних мировых центров со своей школой востоковедения, и с начала XIX века в этой стране специалисты занимаются всесторонним исследованием и изучением истории литературы, прошлым и настоящим персидско-таджикской культуры.

Учёные связывают появление и формирование науки востоковедения в России с началом XIX века, а усиление колониальной политики считают фактором ее становления, что создало объективную основу для взаимовлияния и взаимообогащения литератур и культур. Формирование и развитие поисков русских исследователей В.В. Бартольда, А.Е. Крымского, К.А. Иностранцева, В.Р. Розена, В.А. Жуковского, Е.Э. Бертельса, Б.Н. Заходера, А.Н. Болдырева, И.С. Брагинского, Д.С. Комиссарова, В.Б. Никитиной, К.И. Чайкина, З.Н. Ворожейкиной, Н.И. Пригариной и других по истории, языку и наследию персидско-таджикских литераторов связаны с этим явлением. С другой стороны, формирование данной области науки уходит корнями в политические, экономические, литературные и культурные взаимоотношения государств Востока, в частности, персоязычных народов, с Россией в различные исторические периоды.

Исторические документы свидетельствуют, что первыми русскими востоковедами являются дипломаты, переводчики, военные и навкары (посыльные – прим. наше – С.З.), которые практически непосредственно знакомы с персидско-таджикской культурой¹. Школа русского востоковедения с самого начала своего становления руководствовалась конкретными перспективами в области литературоведения и ставила порой труднодостижимые, но реалистичные цели и задачи, главной из которых было изучение тысячелетней персидско-таджикской истории литературы и культуры.

Опыт русских востоковедов достоин осмысления с нескольких точек зрения. Во-первых, этими учёными создана методология изучения и оценки механизмов развития истории персидско-таджикской литературы и концепция понимания её теории и практики. Во-вторых, на основе этого ими развёрнута дискуссия по вопросам исторической периодизации литературы, текстологических особенностей персидско-таджикской литературы, жизни и деятельности литераторов, литературного круга, биографии, структурных и

---

¹ Кляшторина В.Б. Российская иранистика и труды члена-корреспондента АН СССР Е.Э. Бертельса // Иранистика в России и иранисты. – М.: Институт востоковедения, РАН, 2001. – С.69.

содержательных, идейных и художественных особенностей, а также языкового стиля их наследия, по которым ими получены впечатляющие результаты. Издание литературных документов, в частности, антологий, написание учебников по истории литературы является объективным компонентом данного процесса.

В реферируемом диссертационном исследовании представлены изучение и оценка процесса формирования и эволюции русского востоковедения, методологическая направленность исследования истории персидско-таджикской литературы, изучение исследовательской деятельности данной области, оценка её научно-исследовательской концепции и методологии, которые охватывают пояснение и толкование наиболее важных теоретических и практических аспектов данной литературы и художественного наследия её представителей, что подтверждает и определяет актуальность темы настоящего диссертационного исследования.

Степень изученности темы. Тема данного диссертационного исследования до сегодняшнего времени не подвергалась комплексному изучению, в то же время научное наследие русских востоковедов по вопросам изучения истории персидско-таджикской литературы, периодов развития, реставрации рукописей, жизни и деятельности отдельных её представителей, в различные периоды времени по-разному рассмотрено и оценено исследователями. Критика и анализ наследия исследователей отрасли опубликованы в виде статей, рецензий и порой биографических очерков. Кроме этого, поиски востоковедов охватывают вопросы истории литературы, наследия литераторов, способы их исследования, некоторые аспекты которых подвергнуты краткому анализу в данном научном исследовании.

Исследования, осуществлённые в данном русле, можно разделить на две группы: первая группа охватывает публикации, в которые входят общие вопросы по изучению истории персидско-таджикской литературы, вторую группу составляют биографические статьи или очерки, в которых научная деятельность и поиски того или иного востоковеда подвергаются конкретизированному анализу.

Статьи В.А. Жуковского, А.Е. Крымского, В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского, И.С. Брагинского, Е.П. Чельшева, В.Б. Никитиной, Е.В. Паевской, Л.Д. Позднеевой, Л.М. Кулагиной, М. Муллоахмада, С.И. Баевского, З.Н. Ворожейкиной и некоторых других относятся к первой группе, в которой вкратце рассмотрены и оценены общие направления развития русского востоковедения и его различных отраслей.

Среди первых следует назвать статью В. Жуковского «Омар Хайям и «странствующие» четверостишия», в которой автор приступил к непредвзятой критике некоторых источников, раскрывающих время жизни и наследия Хайяма. Он первым в русском востоковедении размышляет о содержательной направленности исследований этой области, что связано не только с вопросом выбора истинных рубаятов Хайяма, но и с постановкой вопроса о способе

осмысления его образа мыслей, при этом с прошествием времени методологическая ценность его способа исследования не уменьшилась².

А.Е. Крымский – востоковед, непредвзято изложивший свою критическую точку зрения относительно публикаций в данной области, в частности, в отношении исторических источников в области исследования вопросов истории персидско-таджикской литературы. В своих публикациях «Ашканиды, Сасаниды и захват Ирана арабами», «История персидской литературы до «Шахнаме» Фирдоуси», «Низами и его современники»³ он дискутирует по поводу рассматриваемых спорных вопросов, излагает свою критическую точку зрения по вопросам уже существующих публикаций.

По проблемам общего направления в формировании школы русского востоковедения на различных исторических этапах внимание акцентируется в статьях И.Ю. Крачковского «Востоковедение в письмах П.Я. Петрова В.Г. Белинскому»⁴, И.С. Брагинского «Об истории иранистики»⁵, С.И. Баевского и З.Н. Ворожейкиной «Новоиранская филология»⁶, Л.М. Кулагиной «Из истории русской иранистики», «Московская школа иранистики: изучение исторических проблем»⁷, М. Муллоахмада «Иранистика в России», «Новые исследования»⁸, Н.М. Мамедовой «О некоторых проблемах современной иранистики»⁹ и пр.

Во второй группе публикаций вкратце исследована и оценена деятельность некоторых востоковедов, в которую входят биографические статьи и очерки Б.Н. Заходера «Е.Э. Бертельс»¹⁰, В.Б. Кляшториной «Русская иранистика и труды члена-корреспондента АН СССР Е.Э. Бертельса»¹¹, Н.А. Кузнецовой «Б.Н. Заходер и его труды по историографии и источниковедению»¹², Л.М. Кулагиной «К 100-летию со дня рождения выдающегося учёного востоковеда-ираниста Бориса Николаевича Заходера»¹³, М.Л. Рейснер «Вера Борисовна Никитина»¹⁴, С.Д. Милибанд «О

² Жуковский В. Омар Хайям и «странствующие» четверостишия // Сборник Ал-музафарийе. – СПб, 1897. – С.325.

³ Крымский А.Е. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. – М.: Типография Х. Улицкого и А. Голованевского (бывш. Я. Ниренберга), 1914-1917. – Т.1. От эпохи Халифов до газневидов. Золотой век персидской литературы. – 196 с.; – Т.2. От разложения сельджукского царства до монголов, с общим очерком истории суфийства. – 261 с.; – Т.3. От эпохи монголов Джингиз-хана до водворения Сефевидов в Иране и Великих моголов в Индии XVI-XVIII вв. – 504 с.; Крымский А.Е. Низами и его современники. – Баку: Издательство «Эльм», 1981. – 487 с.

⁴ Крачковский И. Ю. Востоковедение в письмах П.Я. Петрова В.Г. Белинскому // Очерки по истории русского востоковедения: сб. науч. ст. – Сб. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С.7-22.

⁵ Брагинский И. С. Из истории иранистики // Иран: сб. статей. – М.: Наука, 1971. – С.16-27.

⁶ Баевский С.И., Ворожейкина З.Н. Новоиранская филология. Литературоведение // Азиатский музей. Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1972. – С.340-384.

⁷ Кулагина Л.М. Из истории русской иранистики // Иранистика в России и иранисты. – М.: Институт востоковедения, РАН, 2001. – С.18-36; Кулагина Л. М. Московская школа иранистики: изучение исторических проблем // Иранистика в России и иранисты. – М.: Институт востоковедения, РАН, 2001. – С.45-52.

⁸ Муллоахмад М. Эроншиносӣ дар Россия. Дар олами эроншиносӣ. – Душанбе: Деваштич, 2005. – С.16-24; Муллоахмад М. Тадқиқоти тоза // Дар олами эроншиносӣ. – Душанбе: Деваштич, 2005. – С.490-494.

⁹ Мамедова Н.М. О некоторых проблемах современной иранистики // Иранистика в России и иранисты. – М.: Институт Востоковедения, РАН, 2001. – С.37-44.

¹⁰ Заходер Б.Н. Е.Э. Бертельс // Иранистика в России и иранисты. – М.: Институт востоковедения, РАН, 2001. – С.163-181.

¹¹ Кляшторина В.Б. Российская иранистика и труды члена-корреспондента АН СССР Е.Э. Бертельса // Иранистика в России и иранисты. – М.: Институт востоковедения, РАН, 2001. – С.9-73.

¹² Кузнецова Н.А. Б.Н. Заходер и его труды по историографии и источниковедению // Иран: сб. статей. – М.: Наука, 1971. – С.4-15.

¹³ Кулагина Л.М. К 100-летию со дня рождения выдающегося учёного востоковеда-ираниста Бориса Николаевича Заходера // Иранистика в России и иранисты. – М.: Институт востоковедения, РАН, 2001. – С. 157-162.

¹⁴ Рейснер М.Л. Вера Борисовна Никитина (1922-1993). Круг научных интересов и преподавание истории литературы Ирана // Иранистика в России и иранисты. – М.: Институт востоковедения, РАН, 2001. – С.207-212.

коллегах иранистах»¹⁵, Р. Хадизаде «Память об устоде Бертельсе»¹⁶, «Учёный, педагог, боец» (Об устоде И.С. Брагинском)¹⁷, К. Айни «Звезда иранистики» (к 95-летию А.Н. Болдырева)¹⁸, А. Афсахзода «Друг и наставник» (посвящение И.С. Брагинскому)¹⁹, М. Муллоахмада «Признанный русский востоковед» (О Е.Э. Бертельсе)²⁰, «Выдающийся критик таджикской литературы» (О А.Н. Болдыреве)²¹, А. Афсахзода и М. Муллоахмада «Исследователь литературы Востока» (посвящение Г. Алиеву)²² и др. В указанных статьях и очерках приводятся краткие сведения о научной деятельности некоторых востоковедов, которые преимущественно носят общий и описательный характер.

В целом, исследование трудов русских востоковедов, посвящённых осмыслению истории литературы и наследия персидско-таджикских литераторов ограничено кругом вышеупомянутых работ, и не охватывает различные аспекты процесса развития этой области и деятельности известных востоковедов. С учётом ограниченности степени исследованности данного вопроса мы приложили усилия к обширному исследованию, определению и конкретизации истории формирования и эволюции русского востоковедения на основе осмысления и оценки персидско-таджикской литературы, роли и вклада исследователей-востоковедов в данное направление. Кроме того, данное литературное и культурное явление исследовано в диссертации и оценено как фундаментальный элемент, связующий народы и литературы, в частности, русский и персидский народы, их духовное и литературное наследие.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в анализе и оценке вклада русских востоковедов в изучение и исследование персидско-таджикской литературы (конец XIX века по 70-е годы XX века). С учётом активизации научного интереса к кругу тем, затрагиваемых в диссертации, которая впервые оформляется в виде отдельного научного исследования, мы приложили усилия к решению следующих вопросов:

- определить условия и факторы возникновения и развития русского востоковедения;
- конкретизировать первые исследовательские тенденции в познании и оценке персидско-таджикской литературы;

---

¹⁵ Милибанд С.Д. О коллегах иранистах // Иранистика в России и иранисты. – М.: Институт Востоковедения, РАН, 2001. – С.213-222.

¹⁶ Ходизода Р. Ёдбуди устод Бертелс. Ба муносибати 75-солагии Рузи таваллудаш // Маориф ва маданият. – 1965. – 25 дек.

¹⁷ Ходизода Р. Олим, педагог, мубориз // Тоҷикистони Советӣ. – 1965. – 14 май; Ходизода Р. Олими маҳбуб ва муборизи далер // Садои Шарк. – 1965. – №6. – С.72-78.

¹⁸ Айни К.С. Звезда иранистики. К 95-летию Александра Николаевича Болдырева // Ирано-Славика. – 2004. – №3-4. – С.24-25.

¹⁹ Афсахзод А. Дӯст ва сабакомӯз // Садои Шарк. – 1975. – №7. – С.99-104.

²⁰ Муллоаҳмад М. Ховаршиноси шинохтаи рус // Суннатҳои пайдори даврони пурбори адабиёт. – Душанбе: Дониш, 2008. – С.259-262.

²¹ Муллоаҳмад М. Мухаккики барҷастаи адабиёти тоҷик // Суннатҳои пайдори даврони пурбори адабиёт. – Душанбе: Дониш, 2008. – С.262-265.

²² Афсахзод А., Муллоаҳмад М. Тадқиқотчиҳои адабиёти Шарк (сухан аз фаъолияти илмии ховаршиноси шуравӣ Газанфар Алиев) // Маориф ва маданият. – 1980. – 16 дек.

- на основе научных трудов исследователей определить теоретико-методологические вопросы изучения истории персидско-таджикской литературы;
- рассмотреть точки зрения учёных по вопросам проблем литературной жизни, этапов её развития на основе научных трудов исследователей, посвящённых древней и средневековой истории персидско-таджикской литературы;
- конкретизировано изучить направления методов исследования истории персидско-таджикской литературы на основе реалий литературной жизни;
- оценить теоретический и практический опыт исследователей в вопросе исторической периодизации литературы;
- изучить положительные и отрицательные политические тенденции в осмыслении истории литературы и наследия литераторов;
- изучить в сопоставительном плане мнения исследователей в отношении древнего периода и последующих веков истории литературы;
- осмыслить и оценить реальный вклад школы русского востоковедения и её представителей в исследовании литературного наследия;
- определить суть поисков исследователей в изучении периода жизни, литературного круга, биографии и наследия представителей персидско-таджикской литературы;
- конкретизировать суть поисков исследователей по содержательной и идейной, художественной и стилистической структуре наследия литераторов;
- выявить позицию востоковедов по важным и фундаментальным вопросам этапов эволюции истории персидско-таджикской литературы в контексте теоретических размышлений исследователей.

Объект исследования. Поскольку вклад русских востоковедов в исследование персидско-таджикской литературы является темой настоящего изыскания, в качестве объекта исследования отобраны материалы трудов русских и советских востоковедов периода XIX-XX веков. Именно их научные изыскания, их осмысление и оценка персидско-таджикской литературы представляют собой материал и объект исследования.

Предмет исследования. Основным предметом диссертационного исследования являются теоретические и практические поиски русских востоковедов на пути осмысления и оценки истории персидско-таджикской литературы и наследия её представителей.

Методологической и теоретической основой данного диссертационного исследования послужили научные труды и теоретические воззрения русских исследователей-востоковедов, завершивших ценные исследования в области персидско-таджикской литературы. Теоретические основы диссертации заключаются в научных достижениях русских, российских и таджикских учёных-востоковедов и литературоведов, таких как М.М. Бахтин, Ю.Л. Лотман, Е.Э. Бертельс, Н.И. Конрад, И.Г. Неупокоева, Г.И.

Ломидзе, А.Н. Болдырев, И.С. Брагинский, С. Айни, А. Мирзоев, М. Шакури, Х. Шарифов и других.

Методы исследования. В диссертации активно использовались популярные и проверенные методы литературоведческого исследования, такие как сопоставительный, метод наблюдения и сравнения, пояснение и толкование, сопоставительно-аналитический, сопоставительно-типологический и исторический методы.

Источники исследования. Основным источником диссертации является научное наследие русских востоковедов, опубликованное в конце XIX века по 70-е годы XX века. Кроме того, в механизме исследования также в качестве источника задействованы материалы, в которых в каком-либо аспекте рассмотрены вопросы, связанные с историей персидско-таджикской литературы и её литературным наследием. В их числе можно отметить учебники по истории персидско-таджикской литературы, введения к опубликованным переводам поэтических произведений, энциклопедии и другие важные источники.

Научная новизна исследования проявляется в том, что в нём впервые поднят вопрос о роли русских востоковедов в процессе исследования и оценки истории персидско-таджикской литературы, изданного письменного и литературного наследия.

Наряду с этим, в работе впервые изучены теоретические и практические поиски русских исследователей по вопросу методов исследования истории персидско-таджикской литературы и методологии изучения данного вопроса. Кроме того, изучению и научной оценке подвергнуты поиски литературоведов и востоковедов по вопросу исторической периодизации персидско-таджикской литературы, периодов жизни, литературного круга, наследия литераторов с целью осмысления их научной ценности.

Ещё одним новшеством диссертации является то, что в ней впервые исследованы отдельные периоды персидско-таджикской литературы, в частности, древний и средневековый периоды, отдельно рассмотрены и уточнены особенности совершенствования данной периодизации русскими исследователями, в частности, Е.Э. Бертельсом, Б.Н. Заходером, А.Н. Болдыревым, И.С. Брагинским, В.Б. Кляшториной, М.Л. Рейснер, Н.И. Пригариной и другими, и на этой основе определены и конкретизированы специфические направления и методы их поиска.

В диссертации установлены основные особенности направлений развития русского востоковедения на определённом промежутке времени, то есть в конце XIX века по 70-е годы XX века, что также до сих пор оставалось вне поля зрения исследователей области.

Впервые исследована специфика художественного изображения, содержательная и стилистическая структура наследия персоязычных поэтов и её всестороннее осмысление русскими исследователями. Это является ещё одним новшеством научного исследования, что выполнено с учётом требований к современной науке литературоведения, в частности, к теории исследования истории литературы.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая ценность данной научной работы определяется пониманием роли и места научной деятельности востоковедов в истории русского востоковедения XIX и XX веков, и этот опыт способствует дальнейшему развитию данной области науки.

Результаты научного исследования могут быть полезны при написании истории персидско-таджикской литературы, составлении учебных материалов и подготовке учебников по истории литературы для факультетов таджикской филологии, чтении спецкурсов по истории литературы, жизни, деятельности и наследия литераторов различных периодов на гуманитарных факультетах вузов не только Республики Таджикистан, но и за её пределами. Кроме того, выводы и заключения диссертации могут быть использованы при написании научных работ об истории персидско-таджикской литературы, её отдельных периодов и творчестве поэтов различных времён.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Научно-исследовательская деятельность русских исследователей представляется важным компонентом области литературоведения и востоковедения конца XIX и большей части XX века и определяет механизм формирования литературной и критической мысли России относительно истории и наследия представителей персидско-таджикской литературы.

2. Первые поиски русских востоковедов связаны с изучением источников и памятников персидско-таджикской литературы, реставрацией рукописей, изданием статей, книг по истории литературы, собраний сочинений и некоторых других источников, которые определяют важную историческую суть первого этапа русского востоковедения.

3. Российские исследователи-востоковеды, опираясь на антологии, письменное наследие и достоверные литературно-исторические источники, приступили к освещению биографий, пояснению жизни, деятельности и наследия представителей литературы древнего и последующего периодов, что доказывает специфику их поисков. Составление каталога рукописей и написание толкований на их полях также относится к числу важных тенденций русского востоковедения данной эпохи.

4. Периодизация истории персидско-таджикской литературы и системное исследование жизни и деятельности, периода жизни, литературного круга и биографии поэтов отображает научные направления трудов русских востоковедов, которые ими завершены с применением сопоставительно-исторического метода.

5. Исследования русских востоковедов установили новые научно-теоретический и научно-практический методы в изучении персидско-таджикской литературы, в определении её исторических периодов и наследия литераторов различных эпох, что разрабатывалось на различных временных промежутках и результаты этих разработок также достойны изучения в целях осмысления и оценки направлений развития персидско-таджикской литературы.

6. Концепция периодизации персидско-таджикской литературы, интерес исследователей к определению и конкретизации специфики механизма её развития оказали содействие для осуществления систематизации истории литературы и связанных с этим вопросов, что определило дальнейшие направления поисков русских востоковедов.

7. В целях осмысления и оценки персидско-таджикской литературы также возросла роль политических тенденций того или иного времени, и порой данный фактор создавал препятствие объективным поискам исследователей. Особенно вопрос принадлежности литераторов той или иной народности в советский период сталкивался с географической ограниченностью и создавал многочисленные проблемы, что порой приводило к отдалению научных исследований от исторической и языковой действительности. Эта тенденция создала серьёзные препятствия для деятельности некоторых востоковедов, в частности, Е.Э.Бертельса, что в итоге нанесло урон истинным владельцам персидско-таджикской литературы. Идеологические цели советского периода формировали отрицательные тенденции в деятельности востоковедов, что привело к изъянам в объективности методов исследования.

8. Исследование и изучение объективной содержательной и художественно-стилистической структуры наследия литераторов и способов их написания входят в число важных аспектов процесса деятельности русских востоковедов, и специфично проявляются на каждом этапе. Этот процесс является другой стороной деятельности востоковедов на определенных этапах развития персидско-таджикской литературы.

Апробация и реализация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях и научных семинарах Российско-Таджикского (Славянского) университета, представлялись на традиционных Славянских чтениях (2018-2024), проводимых в РТСУ. Основное содержание диссертации отражено в выступлениях и докладах на конференциях различного уровня, включая:

а) международные:

– научная конференция «Вклад русской интеллигенции в развитие науки и культуры Таджикистана» (17 ноября 2017 г., Душанбе);

– научно-практическая конференция «Актуальные проблемы филологии и лингводидактики» (26-28 октября 2018 г., Душанбе).

– первый международный конгресс Евразийской ассоциации иранистов (20–21 апреля 2019 г., г. Санкт-Петербург);

– научно-практическая конференция «Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны» (к 80-летию начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.) (30 апреля 2021 г., г. Челябинск);

– научная конференция LXXV Герценовские чтения (14–15 апреля 2022 г., г. Санкт-Петербург);

– научно-практическая конференция «Языковые особенности и проблемы перевода художественного наследия Джалолиддина Балхи» (к 815-

летию Джалолиддина Балхи и Дню государственного языка Республики Таджикистан) (5 октября 2022 г., г. Душанбе);

– научно-практическая конференция «Стратегии и тренды развития журналистики, филологии и лингводидактики» (10 ноября 2023 г., г. Душанбе);

– II научная филологическая конференция им. Л.А.Вербицкой (19-26 марта 2024 г., г. Санкт-Петербург);

– культурно-цивилизационный форум «Традиционные ценности народов Востока и современный мир» (16 апреля 2024 г., г. Душанбе);

– научно-практическая конференция «А.С. Пушкин и современность: проблемы, подходы, интерпретации» (28 сентября 2024 г., г. Душанбе);

– научно-практическая конференция «Стратегии и тренды развития журналистики, филологии и лингводидактики» (24 октября 2024 г., г. Душанбе).

- научно-практическая конференция «Развитие современного гуманитарного научного знания: актуальные тенденции, инновационные подходы, прикладные исследования» (ИССН 2024), 12-13 декабря 2024 г.

б) республиканские:

– научно-практическая конференция «Роль и значение творчества Мир Сайида Али Хамадони в развитии персидско-таджикской литературы» (20 декабря 2014 г., г. Душанбе);

– научно-практическая конференция Закон «О Государственном языке Республики Таджикистан: проблемы современного таджикского языка» (20 декабря 2011 г., г. Душанбе);

– научно-практическая конференция ППС и студентов КТГУ им. Н. Хусрава (19-22 апреля 2013 г., г. Курган-Тюбе);

– научно-практическая конференция ППС и студентов КТГУ им. Н. Хусрава (21-22 апр.2015 г., г. Курган-Тюбе).

в) внутривузовские:

– научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава и студентов РТСУ «Славянские чтения» (2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025гг., г.Душанбе).

а также в публикации автореферата, монографий и отдельных статей автора по данной научной работе, которые изданы в различных научных сборниках и журналах и составляют общий объём 103,9 п.л.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на объединённом заседании кафедр мировой литературы и таджикского языка Российско-Таджикского (Славянского) университета (протокол №2 от 13 сентября 2024 г.), заседании Учёного совета факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий РТСУ (протокол № 2 от 23 сентября 2024 г.), заседании Учёного совета Российско-Таджикского (Славянского) университета (протокол №5 от 26.12.2023 г.).

Издание научных публикаций по теме диссертации. Основные выводы диссертации опубликованы в виде 2 монографий, 1 учебного пособия,

1 хрестоматии, 31 статьи, в частности, 20 статей в журналах, рецензируемых Высшей аттестационной Комиссией при Президенте Республики Таджикистан, и 11 статей в различных научных журналах.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения и списка литературы. Общий объём диссертации составляет 434 страницы компьютерного набора.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, рекомендаций по практическому применению исследования, списка литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** конкретизируется значимость исследования темы, степень её изученности, очерчен круг основных целей и задач диссертационной работы. Наряду с этим, дано разъяснение представленных на защиту источников, методологии исследования, теоретической и практической ценности, научной новизны и перечислены основополагающие векторы положений, которые рассмотрены в работе.

Первая глава называется «**Процесс становления и развития русского востоковедения**» и охватывает два раздела, первый из которых, в свою очередь, состоит из четырёх подразделов.

В первом разделе первой главы – «**Этапы формирования и развития русского востоковедения**» рассматриваются периоды зарождения и развития востоковедческой науки в России. Отмечается, что с учётом механизма зарождения и формирования научного востоковедения, особенно основ и факторов его формирования и эволюции в изучении литературы и культуры иранских земель в данной главе и в ее последующих разделах отдельно и конкретизировано рассмотрены вопросы истории становления, этапов развития науки востоковедения и реальных основ интереса русских востоковедов к персидско-таджикской литературе.

Первый подраздел первого раздела – «**Первый этап развития русского востоковедения**» посвящён анализу литературно-исторических документов, которые свидетельствуют, что наука востоковедения в окончательном виде зародилась и сформировалась в XVIII веке под влиянием различных социальных, политических и культурных факторов.

В России, наряду с прикладным востоковедением, появились и стали развиваться такие области, которые постепенно получили название науки востоковедения. В контексте этой действительности исследователи признали связанными основы и факторы появления и развития данной области с развитием коммерческих и дипломатических взаимоотношений между государствами Запада и Востока, особенно Западной Европы и России с Ираном, Центральной Азии и Индией, и приступили к анализу путевых заметок путешественников как самых первых проявлений востоковедения. Из исторических документов следует, что в XVII и XVIII веках появились самые первые образцы перевода персидско-таджикского художественного наследия, летописных и историографических источников, написания грамматики

персидского языка, словарей и т.п., что создало реальную основу для формирования науки востоковедения.

Как следует из исторических документов, несмотря на то что эта область сформировалась в XIX веке, всё же духовная связь России с персоязычными народами, их литературой и культурой своими корнями уходит в далёкую древность. Географическое расположение России, которая находится между Европой и Азией, уровень и глубина многоплановых связей между народами России и Востока, в частности персоязычных народов, определилось в течение многих веков. В целом, русское востоковедение на начальных этапах зародилось на основе дипломатических связей, литературной и духовной интеграции России с другими персоязычными странами и постепенно заложило реальную основу для развития данных взаимоотношений, что является основным фактором формирования этих связей в дальнейшем.

Во втором подразделе первого раздела первой главы – **«Второй этап развития русского востоковедения»** исследуются вопросы дальнейшего периода изучения российскими учёными-востоковедами персидско-таджикского художественного наследия. В подразделе отмечается, что эпоху правления царя Петра I специалисты оценивают как новую эпоху осмысления Ирана в России, именно в этот период изучение персидского, арабского и тюркского языков стало одним из влиятельных факторов в двухсторонних контактах с этими странами. Именно в этот период по инициативе востоковеда Д.К. Кантемира была основана первая типография, где публиковались первые обращения Петра I к народам персидского Востока. Основание музеев антропологии и этнографии, преподавание восточных языков при Святейшем Синоде также в эпоху Петра I явились толчком для интеграционных процессов в России и государствах Востока, особенно в Иране, Бухарском эмирате и Хивинском ханстве.

Основание типографии при Академии наук в 1727 году и издание восточных текстов на персидском языке являются ещё одним фактором, оказавшим влияние на связи России с Ираном и Центральной Азией. В 1736 году впервые была опубликована поздравительная на имя шаха Ирана на арабской вязи, что укрепило основу интереса к взаимоотношениям двух стран.

Отмечается, что укрепление плодотворных связей русского и иранского народов создало условия и предпосылки для издания литературного и культурного наследия в России. В XVIII веке несколько раз был издан Коран. Первый его перевод был осуществлён в эпоху Петра I, второй – в 1790 году на основе французского варианта. Именно в этот период было опубликовано многое из востоковедческого наследия, переведённого из европейских языков на русский, в число которых входят «работы французского учёного XVI в. В. Бриссония «О Персидском царстве». В этом произведении «приведены многочисленные сведения греческих и римских авторов об устройстве, этикете, обычаях иранского двора, о религии древних иранцев, об их военном строе и законодательстве»²³.

---

²³ Кулагина Л.М. Из истории русской иранистики // Иранистика в России и иранисты. – М.: Институт востоковедения, РАН, 2001. – С.21-22.

Однако, несмотря на некоторые достижения, отмеченные выше, по наблюдению Л.М. Кулагиной, в указанный период «востоковедение развивалось медленно»²⁴. По мнению В.В. Бартольда, «казалось бы, что в России по составу её населения и по её культурным запросам, было бы легче всего понять неразрывную связь между востоковедением и другими отделами гуманитарных наук; между тем именно в России знание восточных языков ещё дольше чем в Западной Европе казалось никому ненужной экзотической учёностью»²⁵.

В XVIII веке в истории русского востоковедения впервые возникла база источниковедения и преподавание персидского языка в вузах дало новый импульс для развития этой области. На этой почве впервые специалистом в области персидских рукописей Х. Френом был составлен список наиболее важных образцов наследия на арабском, персидском и тюркском языках. Основание музея Азии и деятельность его директора Б. А. Дорна заложили основу совершенно новой эпохи литературных и культурных взаимоотношений Ирана и России. Именно в этот период Б. А. Дорном был опубликован полный текст произведения Хондамира «Хабиб-ус-сияр» (Любимый характер), что создало реальные предпосылки для привлечения интереса почитателей персидско-таджикской литературы, истории и культуры в России.

Новый и плодотворный этап развития востоковедения в России начинается с первой половины XIX века, и страна постепенно превращается в один из основных центров иранистики мира, что способствовало развитию этой области науки в сравнительно короткий промежуток времени. Именно в этот период были завершены наиболее ценные исследования по истории литературы и культуры Ирана, в частности Центральной Азии.

Такие учёные как Х. Френ, Ф.Б. Шармуа, А.В. Болдырев, О.И. Сенковский, А.К. Казем-Бек и Б.А. Дорн, которые находились у истоков российского университетского востоковедения, наряду с другими восточными языками, также занимались преподаванием персидского и арабского языков, которые были необходимы для изучения истории литературы и культуры средневекового периода Ирана. Таким образом, в 1807 году в Казанском университете началось преподавание персидско-таджикского языка и литературы, и первыми преподавателями в нём были Х. Френ и Ф. Эрдман. В 1811 году преподавание персидско-таджикского языка и литературы было также включено в учебную программу Московского университета, которое осуществлял А.В. Болдырев. В данном направлении обучения большая роль принадлежит Московскому Лазаревскому институту восточных языков.

Многие из поисков, осуществлённых в данный период, связаны с именами В.А. Жуковского, А.В. Болдырева, К.Г. Залемана, Б.В. Миллера и И.Н. Березина. Этими учёными на основе литературы, языка, истории и фольклора персоязычных народов проведён цикл исследований, который навсегда открыл двери персидско-таджикской литературы и культуры для

---

²⁴ Там же. – С.22.

²⁵ Бертельс Е.Э. Персидская поэзия в Бухаре X в. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – С.45.

народов России. В этот период А.В. Болдырев впервые составил и опубликовал книгу «Персидская хрестоматия», и это произведение «было основным пособием по изучению персидского языка на протяжении всего XIX столетия. Нескольким поколениям отечественных востоковедов, а через них и читающей публике России она давала самый первый круг представлений о персидской художественной литературе»²⁶.

В данном подразделе диссертант также отмечает, что первая половина XIX века была следующим вторым этапом формирования школы русского востоковедения и учёные-иранисты внесли свой весомый вклад в её становление. В двадцатые и тридцатые годы XIX века наследие классиков персидско-таджикской литературы, в частности, произведения Хафиза, Саади и других впервые были переведены и опубликованы на русском языке.

Известные учёные В.Ф. Миллер, А.Е. Крымский, Ф.Е. Корш и другие являются воспитанниками Московской школы востоковедения. Исследование А.Е. Крымского по истории персидско-таджикской литературы, особенно его монументальная монография о Низами Ганджави – «Низами и его современники» и работа Ф.Е. Корша «Персидская лирика X-XV вв.» заполнили немало «белых пятен» в исследовании персидско-таджикской литературы. Если А.Е. Крымский, опираясь на редкие литературные источники, представил первые исторические сведения по персидско-таджикской истории, языку и литературе и наследию таких великих поэтов, как Фирдоуси и Низами, то Ф.Е. Корш проделал такую работу относительно особенностей персидско-таджикской лирической поэзии периода X-XV вв., и обе работы являются беспрецедентными по своей значимости.

В третьем подразделе данного раздела первой главы – «**Третий этап и дальнейшие тенденции развития русского востоковедения**» отмечается, что этот этап развития русского востоковедения в результате поисков исследователей XX века определяется, начиная с двадцатых годов под влиянием коммунистической советской политики в области науки и литературы. В советский период в упомянутых выше центрах Москвы и Ленинграда отрасли востоковедения и иранистики формировались как научные области и постепенно трансформировались в крупные центры мирового уровня. В этот период в столицах некоторых советских республик, в частности, Азербайджана, Армении, Грузии, Таджикистана и Узбекистана были основаны центры иранистики, деятельность которых осуществлялась под надзором Института востоковедения Академии наук СССР в г. Москве. Именно в этот период русские востоковеды добились больших успехов, в частности В.В. Струве, С.П. Толстов, И.М. и М.М. Дьяконовы, М.А. Дандамаев, В.Г. Луконин – в исследовании древнего периода Ирана и Центральной Азии, А.Ю. Якубовский, Б.Н. Заходер, И.П. Петрушевский, А.А. Семёнов, Н.В. Пигулевская, М.Е. Массон, А.М. Беленицкий – в трудах по истории средневекового периода, М.С. Иванов, Н.А. Кузнецова, Л.М.

---

²⁶ История отечественного востоковедения до середины XIX в. – М.: Наука, 1990. – С.221.

Кулагина, Н.А. Халфин и С.Л. Агаев – в работах по истории нового и новейшего времени.

Начиная с двадцатых годов XX века, наука филология превратилась в самостоятельную ветвь востоковедения – иранистику. В данном направлении по различным вопросам лингвистики были завершены ценные исследования А.А. Фреймана, М.С. Андреева, И.И. Зарубина, Б.В. Миллер, М.Н. Боголюбова, В.С. Расторгуевой, И.М. Оранского, Л.С. Пейсикова, Ю.А. Рубинчик, С.Н. Соколова-Ремизова, А.А. Ромаскевича, И.К. Овчинниковой, в области литературоведения – Е.Э. Бертельса, А.Н. Болдырева, И.С. Брагинского, Д.С. Комиссарова, В.Б. Никитиной, К.И. Чайкина, З.Н. Ворожейкиной, Дж.Х. Дорри, М. Занд, А.А. Старикова, О.Ф. Акимушкина, В.Б. Кляшториной, Ю.Н. Марр, З.Г. Османовой, С.Б. Морочник, А.З. Розенфельд, А. Болотникова.

Следует отметить, что востоковедение, особенно область иранистики, в рассматриваемый период достигли значимых результатов в социалистических странах Европы, в частности, Чехословакии (Ян Рипка, О. Клима, Ф. Тауэр, И. Бечка, В. Кубичкова), Германской Демократической Республике (Г. Юнкерс, В. Зундерман, М. Лоренц), Польше (С. Махальский), Болгарии (Иво Панов, Й. Милев), при этом советское востоковедение достигло больших успехов в области изучения и оценки истории, литературы и культуры Ирана и народов Средней Азии, в частности таджиков.

В 20-30-е годы XX века востоковедение достигло больших успехов в советских республиках. В 1930 году в Ленинграде при Институте востоковедения Академии наук СССР был основан музей Азии и ряд центров востоковедения, первым директором которого был С.Ф. Ольденбург. После окончания Великой Отечественной войны Институт востоковедения АН СССР в 1950 году был перенесён в Москву. В этой научной среде появление таких известных имён учёных как Б.Н. Заходер, Е.Э. Бертельс, А.Н. Болдырев, И.С. Брагинский, Д.С. Комиссаров, В.Б. Никитина, К.И. Чайкин, З.Н. Ворожейкина, Дж.Х. Дорри, М. Занд, А.А. Стариков, О.Ф. Акимушкин, В.Б. Кляшторина, Ю.Н. Марр, З.Г. Османова, А.З. Розенфельд, А. Шойтов и других сделало школу русского востоковедения одним из мировых центров данной области.

В данной части диссертации автор сообщает, что представителями третьего поколения специалистов в области персидско-таджикской литературы издано богатое научное наследие, благодаря которому их можно назвать основоположниками школы нового русского востоковедения. Публикации этого поколения востоковедов отличаются от публикаций представителей предыдущих периодов. Литературная и критическая мысль этой группы исследователей формировалась в свете политики советской партии и государства, и имела не только идеологический аспект, но и при исследовании и оценке истории литературы и наследия литераторов соблюдала теоретические и методологические указания и рекомендации политики того времени.

При этом диссертант констатирует, что несмотря на это, востоковедение советского периода как целенаправленная исследовательская школа по истории персидско-таджикской литературы и наследия её литераторов имела собственную методологию исследования и оценки данной литературы, что во многом отображает ключевые особенности осмысления и оценки исследователей данной области.

В конце раздела автор научной работы в шести пунктах подводит итог проведённого анализа этапов развития российского востоковедения и достижений его представителей по персидско-таджикской литературе.

Во втором разделе первой главы – **«Русское востоковедение и интерес к персидско-таджикской литературе»** решаются вопросы целенаправленного интереса русских востоковедов к истории персидско-таджикской литературы и литературному наследию, который возник в такое время, когда в русском литературоведении «созревали идеи историзма».

Автор реферируемого исследования также отмечает, что востоковеды, которые в XIX веке занимались исследованием и оценкой истории персидско-таджикской литературы и наследия её представителей, опираясь на культурно-исторический метод, под новым углом зрения взглянули на суть жизни, деятельности и наследие представителей персидско-таджикской литературы, и в соответствии с требованием времени добились понимания и изучения содержания художественного наследия, литературных источников, связанных с произведениями о жизни общества. В.А. Жуковский и А.Е. Крымский являются первыми востоковедами, которые на этой основе осуществили глубокие научные поиски.

В завершении данной части работы её автор проводит достоверный анализ трудов В.А. Жуковского, А.Е. Крымского и Е.Э. Бертельса и других русских востоковедов, которые основали и усовершенствовали особое теоретическое и практическое направление в исследовании и оценке истории персидско-таджикской литературы, жизни и наследия некоторых её представителей.

Вторая глава диссертации – **«Методологические направления исследования истории персидско-таджикской литературы в российском востоковедении»** состоит из двух разделов.

Первый раздел второй главы назван **«Периодизация истории литературы в контексте взглядов русских востоковедов»** и охватывает вопросы изучения и оценки теоретических, практических вопросов и методологии исторической периодизации персидско-таджикской литературы, которые до сегодняшнего времени остаются серьёзной нерешённой проблемой данной области. Диссертант в данном разделе отмечает, что первые попытки исторической периодизации персидско-таджикской литературы были произведены в XIX и XX веках, то есть во времена написания первых исследований по вопросу истории персидско-таджикской литературы, а первыми исследователями в данном направлении были В.А. Жуковский, А.Е. Крымский, Е.Э. Бертельс, И.С. Брагинский и другие.

Первые периодизации русских востоковедов были осуществлены с опорой на реалии литературной жизни, а именно при написании литературных антологий их периодизация проводилась в соответствии с географическими регионами, в алфавитном порядке или с учётом букв той местности, в которой жил и работал составитель данного труда, по степени значимости видов или жанров, литературных стилей или школ, исторических, политических, социальных событий и хронологии.

Практическая форма периодизации персидско-таджикской литературы, прежде всего, имеет типологическую цель, она развивалась в русском востоковедении с самого начала по сороковые годы прошлого века и всегда была непосредственно связана с исследованием и оценкой жизни и творчества представителей литературы различных периодов.

В формирование практического и научно-исторического направлений периодизации персидско-таджикской литературы большой вклад внесли В.А. Жуковский²⁷, А.Е. Крымский²⁸, И.С. Брагинский²⁹ и Е.Э. Бертельс³⁰, также большая заслуга в данном направлении принадлежит исследованиям В.И. Семанова, А. Болотникова, В.Н. Энгельгардт, С.Н. Григорян, Е.П. Чельшева, В.Б. Никитиной, Е.В. Паевской, Л.Д. Позднеевой, Н.Т. Федоренко, И.В. Боролиной и некоторых других исследователей.

На основе размышлений востоковедов, придерживающихся научно-исторической периодизации, различные периоды формирования и развития литературы не вполне соответствуют этапам развития и смены политической и социально-экономической систем. Но эта форма периодизации имеет сходство с великими историческими периодами, такими как Древняя эпоха, Средневековье, Новое и Новейшее время. Выглядящее правильным сходство периодов развития литературы с историческими периодами в рамках крупных исторических периодов и социальной конкретики мнений, в частности художественной мысли и образа мышления, ярко проявляется с точки зрения состояния и настроения литераторов. Так, диссертант утверждает, что в исследованиях В.А. Жуковского не встречаются направления периодизации на основе важных видов или жанров, глобальных литературных стилей и школ. Одним из факторов, способствовавших не привлечению его внимания к этому виду периодизации, по мнению автора исследования, было то, что он при написании своего художественного наследия не проявлял интереса к формализму и структурализму, критерий его точки зрения определила практическая тенденция периодизации литературы.

А.Е. Крымский также тяготел к практической форме периодизации персидско-таджикской литературы, в ценной книге «Низами и его

---

²⁷ Жуковский В. Омар Хайям и «странствующие» четверостишия // Ал-музафарийе. – СПб., 1897. – С.325-363.

²⁸ Крымский А.Е. Низами и его современники. – Баку: Изд-во «Элм», 1981. – 487 с.

²⁹ Брагинский И.С. Ещё раз о проблеме периодизации персидской и таджикской литератур // Народы Азии и Африки. – 1963. – №6. – С.82-102; Брагинский И.С. О проблеме периодизации истории персидской и таджикской литератур (в связи с дискуссией) // Из истории персидской и таджикской литературы. Избранные работы. – М.: Наука, 1972. – С.5-32.

³⁰ Бертельс Е.Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. – М.: Вост. лит.-ра, 1960. – 561 с.

современники» он остался привержен практической форме исторической периодизации литературы в соответствии со временем правящей династии.

Попытки проведения практической периодизации персидско-таджикской литературы на основе правящих династий встречаются в научных трудах А. Болотникова, касающихся вопроса жизни и наследия Омара Хайяма³¹.

Е.Э. Бертельс также приветствует практическое направление периодизации персидско-таджикской литературы и на основе хронологической периодизации определяет принадлежность периодов литературы к правящим династиям. Он представляет следующую периодизацию персидско-таджикской литературы: литературные памятники древнего периода; литература народов восточного Ирана периода с V века нашей эры по IX век нашей эры; литература X века; литература первой половины XI века; литература второй половины XI века; литература эпохи Караханидов и литература периода правления Сельджуков³².

Начиная с 50-х и 60-х годов XX века, расширилось научное направление периодизации персидско-таджикской литературы как один из наиболее актуальных вопросов научных исследований русского востоковедения. В частности, дискуссии, которые были опубликованы в журналах «Советское востоковедение» [1959], «Народы Азии и Африки» [1962] и материалах 25-го Международного конгресса востоковедов, заложили основу для научного понимания данного вопроса с точки зрения хронологии. Исследователи персидско-таджикской литературы в России стали последователями этого направления, что способствовало созданию ими значимого и ценного наследия по данной теме. В этом плане можно назвать исследования И.С. Брагинского «К вопросу разделения истории таджикской литературы на периоды», «В отношении вопроса исторической периодизации персидско-таджикской литературы», «О пределах периодизации в литературе Востока», А.Н. Болдырева и И.С. Брагинского «Взгляд на периодизацию персидско-таджикской классической литературы», Е.П. Чельшева «Теоретические вопросы и методология изучения истории литературы народов Востока», В.Б. Никитиной, Е.В. Паевской и Л.Д. Позднеевой «О периодизации древней литературы Востока», И.В. Боролиной, В и пр.

Русскими востоковедами в результате глубокого исследования научных памятников на основе периодизации персидско-таджикской литературы были открыты новые направления и критерии, наиболее важными из которых являются: а) направление периодизации на основе литературных видов, жанров, стилей и школ (в частности, географического); б) периодизация на основе политических, исторических и социальных реалий; в) периодизация на основе исторического имени.

---

³¹ Болотников А. Омар Хайям (Философ-поэт-математик) // На рубеже Востока. – 1930. – №1. – С.97-108; – №2. – С.93-111.

³² Бертельс Е.Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. – М.: Вост. лит-ра, 1960. – С.29-30.

Одним из стойких теоретиков данного направления в русском востоковедении является И.С. Брагинский. Ещё в первые годы изучения персидско-таджикской литературы учёный уделял особое внимание вопросу разделения на периоды истории литературы, и впервые поставил этот вопрос в предисловии, написанном к «Образцам таджикской литературы». В указанной статье И.С. Брагинский в первую очередь подчёркивает право таджикского народа на литературное и культурное наследие, затем распределяет историю персидско-таджикской литературы на три периода: древний классический (X-XV вв.), поздний классический (XVI-XX вв.) и советский. Основу его теоретической и методологической концепции по вопросу периодизации персидско-таджикской литературы, прежде всего, составляла идея гуманизма тысячелетней персидско-таджикской литературы, которая приветствовалась научными кругами того времени.

В обсуждениях, которые происходили в тридцатые, сороковые и шестидесятые годы XX века, участвовали и высказывали свои мнения такие учёные как С. Махальский, Али Азери, В.Ф. Минорский, А.Н. Болдырев, З.Г. Османова, А.З. Розенфельд, Ж. Лазар и др. Итак, русские востоковеды на основе этапов практической периодизации научной литературы определяют следующие направления:

1. Периодизация литературы на основе правящих династий;
2. Периодизация литературы на основе хронологии;
3. Периодизация литературы на основе литературных видов, жанров, стилей и школ (географической территории);
4. Периодизация литературы на основе исторических, политических и социальных событий и явлений;
5. Периодизация литературы на основе исторических периодов.

Подводя итог своего анализа в рамках периодизации персидско-таджикской литературы, диссертант высказывает мнение о том, что периодизация на основе исторических периодов считается важным достижением русских востоковедов, и значимо в осмыслении литературной действительности конкретных периодов и их творческих критериев.

Во втором разделе второй главы диссертации, который именуется **«Политический характер тенденций российского общества в углублении изучения и исследования персидско-таджикской литературы»**, проанализированы направления развития русского востоковедения, в которых диссертант наблюдает две тенденции в поисках исследователей этой области: одна тенденция заключается в объективном познании и оценке механизма развития истории литературы и творчества её представителей, другая - в подчинении идеологии времени и дистанцировании от действительности литературной жизни.

Отмечается, что в русском дореволюционном востоковедении рассмотрение и оценка периодов развития литературы, содержательных и структурных особенностей художественного литературного наследия литераторов и писателей проводились не в связи с мыслительными (идеологическими) тенденциями их авторов. Например, для В.А. Жуковского

не имело значения, что Омар Хайям является «безбожником и материалистом» или «скептическим теософом», или богобоязненным человеком. Для него важным было то, что «это нежный образ, который более предан утехам жизни нежели расцвету божественных устоев».

Мыслительная тенденция персидской литературы и действующая политика периода жизни и творчества поэта не имели значения и для А.Е. Крымского, его внимание было направлено на то, что эти тенденции, хоть зороастрийские, хоть исламские, в какой степени обладают человеческой сущностью, какова степень таланта и духовности объекта исследования.

Русское востоковедение в советский период постепенно приобрело уклон партийной идеологии советского государства, и порой дистанцировалось от действительности процессов развития истории литературы и творчества литераторов. Особенно в 20-е и 30-е годы XX в. и после Второй мировой войны востоковеды и учёные этой области столкнулись со сложностями, которые до сих пор не знала история. Это идеологическое направление и после Великой Отечественной войны препятствовало реальному формированию науки востоковедения, и только после 60-х годов этот мрак рассеялся, хотя здесь также существовали определённые ограничения. В частности, в науке востоковедения принадлежность литературного наследия тому или иному народу превратилась в критерий, который относил принадлежность представителей персидско-таджикской литературы к тому или иному народу по их географическому происхождению.

В указанный период с новой силой разгорелись научные и литературные споры, имеющие идеологический аспект, что было связано с вопросами истории и периодизации литературы, принадлежности того или иного представителя литературы к тому или иному народу. В отношении термина «персидская» или «таджикская» литература ключевую роль сыграла идеологическая позиция литературоведов, в частности Е.Э. Бертельса, А.Н. Болдырева и др. Когда по прошествии времени мы окидываем взором суть такой «резко политизированной критики» относительно науки востоковедения и деятельности отдельных исследователей в изучении персидской литературы, выясняется, что те, кто внёс свою лепту в данный процесс, только препятствовали реальному продвижению науки востоковедения и раскрытию исторической действительности.

Третья глава диссертации – «**Вопросы периодизации персидско-таджикской литературы в исследованиях русских востоковедов**» состоит из двух крупных разделов. В ней охвачены анализом вопросы концептуальных подходов русских востоковедов относительно периодизации персидско-таджикской литературы и их достижений в исследовании времени жизни, социально-политической атмосферы, литературного круга и наследия персидско-таджикских литераторов.

Первый раздел третьей главы диссертации – «**Концепции русских востоковедов относительно периодизации персидско-таджикской литературы**» посвящён анализу взглядов и исторически направленных методов исследования и оценки персидско-таджикской литературы и

наследия её представителей. Здесь необходимо подчеркнуть, что все эти концепции сформировались под влиянием социально-исторических поисков известных русских востоковедов, и на определённом промежутке времени подняли школу русского востоковедения, важную ветвь которой составляет исследование персидско-таджикской литературы и культуры, до мирового уровня. Эта школа зародилась в первой половине XIX века, и постепенно формировалась и эволюционировала в дальнейшем.

Необходимо сказать, что на всех этапах развития русской школы востоковедения учёные проявляли особый интерес к персидско-таджикской истории, литературе и культуре, в силу чего был создан целый цикл важных научных исследований по истории персидско-таджикской литературы и наследия её представителей, что определяет и конкретизирует целенаправленный механизм её развития. Механизм исследования персидско-таджикской литературы в России в сегодняшнем понимании проявился в XIX веке. Русские исследователи приступили к редакции ценного наследия по истории литературы и творчества отдельных её представителей. Это наследие отличается с точки зрения охвата литературных периодов, способов изложения и тематики, языковой территории, литературных и культурных взаимосвязей, гипотетических оппонентов, классификации, периодизации, тематического разделения и писательского таланта литераторов.

Начало целенаправленных поисков и изучения персидско-таджикской литературы в российском востоковедении соответствует началу XIX века, и по сегодняшний день это направление преодолело различные этапы своего развития. В результате проведенных российскими востоковедами исследований автором настоящего диссертационного исследования этапы развития персидско-таджикской литературы систематизированы следующим образом:

- а) ознакомление с персидско-таджикской литературой;
- б) реставрация персидско-таджикских рукописей;
- в) период написания биографий;
- г) период написания истории литературных летописей.

В данном разделе диссертантом проведён детальный анализ этапов развития персидско-таджикской литературы, в результате которого высказана собственная точка зрения.

Второй раздел третьей главы именован **«Достижения российских востоковедов в исследовании времени жизни, социально-политической атмосферы, литературного круга и наследия персидско-таджикских литераторов»**. Начиная с В.А. Жуковского и А.Е. Крымского, до Е.Э. Бертельса и И.С. Брагинского и других учеников и последователей школы русского востоковедения в их исследованиях приводятся ценные сведения о времени, литературном круге и наследии представителей литературы различных периодов со ссылкой на исторические и литературные источники.

Завершённые ими исследования преимущественно связаны с политическим и социальным положением периода жизни литераторов, литературной средой и состоянием их наследия, которые они провели со

ссылкой на исторические документы, достоверные литературные и культурные источники. Диссертант предлагает разделить тематику научных трудов, написанных о периодах жизни, литературной среде, жизни, деятельности и наследии представителей различных периодов персидско-таджикской литературы следующим образом:

1. Исследования о политическом, социальном, литературном и культурном положении времени жизни литераторов различных периодов;
2. Исследование литературного круга;
3. Изучение жизни, деятельности и наследия литераторов.

В деле определения политического и социального положения жизни и деятельности, литературного круга и наследия литераторов различных периодов огромные усилия приложены известными русскими востоковедами В.А. Жуковским, А.Е. Крымским, Е.Э. Бертельсом, Б.М. Заходером, И.С. Брагинским, А. Болотниковым, О.Ф. Акимушкиным, В.Н. Энгельгардтом, П.Н. Лозеевым, С.Б. Морочником, Б.А. Розенфельдом, С.И. Баевским, В.Б. Никитиной, М.Л. Рейснер, З.Н. Ворожейкиной, В.Б. Кляшториной, Р.М. Алиевым, М.-Н.О. Османовым, А.П. Юшкевичем, С.Н. Григоряном, Ш. Султановым, К. Султановым, И.А. Голубевым и др. В большинстве исследований этих учёных ими отдаётся предпочтение осмыслению периода жизни, литературного круга и биографии представителей персидско-таджикской литературы, их исторической и культурной оценке. Русскими востоковедами были сделаны попытки определить особенности и тенденции их мышления в зависимости от изученности исторического и культурного периода, литературного круга и биографии литераторов, что связано с осмыслением ступеней формирования и развития их духовной, общественной, политической, литературной и культурной жизни.

На базе анализа исследования и оценки российскими учёными художественного наследия персидско-таджикских поэтов классического периода, диссертант раскрывает их видение вопросов времени жизни, социально-политической атмосферы, литературного круга и наследия персидско-таджикских литераторов.

Исследование вопросов периода жизни, среды обитания, условий создания и наследия литераторов различных периодов в русском востоковедении является активным процессом и отображает основную суть поисков исследователей в данном направлении. Одно из направлений поисков востоковедов, наряду с опытом русских рудакиведов, также реально демонстрирует и поиски русских хайямоведов. Эта тема на определённом этапе развития русского хайямоведения вызывала особенный интерес востоковедов, и в данном направлении возникли различные исследования, некоторые из которых подвергнуты анализу и оценке в данном исследовании.

Одним из учёных, которым в русском востоковедении (в исследовании «Омар Хайям (философ – поэт – математик)») высказаны заслуживающие внимания мысли и суждения о времени, литературном круге, жизни и творчестве Хайяма, является А.И. Болотников.

Круг научных целей А. Болотникова в данном исследовании весьма широк. Он охватывает период жизни, литературное и культурное окружение поэта, а также содержит комментарий состояния Хайяма. В процессе своего исследования он придаёт огромное значение методологии, характерному научному самоопределению, детальной и глобальной сути компонентов, глобальным аспектам темы и историчности, всячески допускает схематические материалы без фактов. В тридцатые годы XX века, когда литературоведение было подчинено коммунистической идеологии, отношение к наследию представителей персидско-таджикской литературы не было объективным, и эта публикация А. Болотникова имела особую ценность в осмыслении и оценке периода жизни и творческого круга, жизни и деятельности, в частности, человеческой и творческой судьбы Хайяма.

А. Болотников, опираясь на исторические источники, сумел представить вниманию и суждению читателей краткие сведения о периоде жизни и сочинениях Хайяма, что в основном способствовало решению им идеологических вопросов и определению роли конфессиональных направлений в обществе его времени, влияния правящей идеологии на литературные и культурные круги, в частности, науку, философию и литературу, особенно на творчество Хайяма.

Вопрос о периоде жизни Хайяма, его литературном круге, влиянии политических, социальных и культурных реалий на науку и литературу, биографию поэта и некоторые другие темы рассмотрены в исследованиях С.Б. Морочника и Б.А. Розенфельда «Омар Хайям – поэт, мыслитель, учёный», Б.А. Розенфельда и А.П. Юшкевича «Омар Хайям», а также в обстоятельной вступительной статье, написанной Б.А. Розенфельдом и А.П. Юшкевичем к книге «Омар Хайям. Трактаты» и в ценном произведении Р.М. Алиева и М.-Н.О. Османова «Омар Хайям». Эти исследования были проведены под влиянием просветительско-исторической школы русского литературоведения. В них авторами проводятся попытки исследовать и дать объективную оценку жизни и деятельности Хайяма в связи с политическим, социальным и культурно-духовным положением.

В монографии С.Б. Морочника и Б.А. Розенфельда «Омар Хайям – поэт, мыслитель, учёный» впервые в русском востоковедении к исследованию привлечены вопросы исторического положения периода жизни Хайяма, его предков и дан подробный комментарий его жизненного пути. Исследователь на основе источников и некоторых исследований на эту тему, в частности «Летописных заметок» Карла Маркса и «Краткой истории таджикского народа» Б.Гафурова, анализирует эпоху правления Сельджуков и роль этой династии в политической, литературной и культурной жизни периода жизни Хайяма, и оценивает время пребывания у власти Маликшаха и его визиря – Низомульмулка как эпоху цветения экономики, социальной сферы, науки, литературы и культуры³³.

---

³³ Морочник С.Б., Розенфельд Б.А. Омар Хайям-поэт, мыслитель, учёный. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. – С.5-7.

В монографии исследователи акцентируют внимание на национальности Низомульмулка, и отмечают, что он был таджиком. Таким путём исследователи хотели показать роль персидско-таджикской элиты в продвижении империи сельджукских тюрок. Авторы на основе исторических документов признают экономические и культурные реформы, проведённые Низомульмулком, истинным фактором продвижения системы государственного правления, и на основе фактов отображают непосредственную роль Низомульмулка в развитии науки и литературы³⁴.

Из исследования С.Б. Морочника и Б.А. Розенфельда следует, что они на политические, социальные и культурные реалии периода жизни Хайяма смотрят с позиции партийной идеологии 50-х годов прошлого века, и проводят анализ связи политической, социальной и литературной действительности периода жизни и деятельности Хайяма в данном направлении на основе лозунга «подчинение законов литературы условиям жизни общества»³⁵. Это, по мнению диссертанта, порой имеет сильно выраженную идеологическую направленность и отдаляется от действительности.

По вопросу исследования времени, политической и культурной обстановки, литературного круга и биографии Хайяма определённый научный интерес представляют монографии Р.М. Алиева и М.-Н.О. Османова «Омар Хайям», статьи Б.А. Розенфельда и А.П. Юшкевича «Жизнь и творчество Омара Хайяма», З.Н. Ворожейкиной «Омар Хайям и хайямовские рубаяты», И.А. Голубева «Тайнопись Омара Хайяма» и ряд других.

Ещё одним известным русским востоковедом, исследовавшим период жизни и литературное окружение, деятельность и сочинения поэтов Исфahanского литературного сообщества, в частности Хайяма, является З.Н. Ворожейкина. Этот исследователь в разделе «Исфahanский литературный круг» своей диссертации под названием «Исфahanская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время (XII-начало XIII вв.)» и в статье «Омар Хайям и хайямовские четверостишия» изложила свои наблюдения и мысли по вопросу периода жизни и литературного круга Хайяма и некоторых других поэтов. Исследователь, рассуждая о литературном круге того периода, упоминает о проживании и деятельности Абуали Сино и Фахриддина Гургони в Исфahanе до Хайяма и считает этот фактор действенным в процессе развития науки и литературы времени жизни поэта³⁶. Она оценивает как положительную динамику времени правления Маликшаха, считает мудрой деятельность его визиря Низомульмулка и признаёт действенность и важность этого фактора в продвижении науки и литературы того времени. З.Н. Ворожейкина сумела объективно исследовать и описать реалии периода жизни и литературного круга поэта, обосновать основные факторы развития науки и литературы данного периода, а также становление таких значимых в истории личностей как Хайям.

---

³⁴ Морочник С.Б., Розенфельд Б.А. Омар Хайям-поэт, мыслитель, учёный. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. – С.7.

³⁵ Там же. – С.125.

³⁶ Ворожейкина З.Н. Омар Хайям и хайямовские четверостишия // Омар Хайям. Рубай. – Л.: Сов. писатель, 1986. – С.18.

В целом, в научных исследованиях русских востоковедов вопрос биографии Хайяма занимает особое место. В научном наследии, посвящённом исследованию этой темы, оцениваются различные аспекты вопросов Родины поэта, его социального происхождения, даты рождения, личной жизни и родословной, его взаимосвязи с современниками и пр.

Таким образом, хотя в России по сравнению с Европой исследование и изучение периода жизни и творчества Омара Хайяма началось относительно позже, всё же русские востоковеды с самого начала избрали своё собственное направление осмысления и оценки данной темы. С первых исследований на эту тему, то есть, начиная со статьи В.А. Жуковского «Омар Хайям и «странствующие» четверостишия» до публикации И. Голубева «Как я познал Хайяма?», взгляд русских хайямоведов на период жизни, литературную и культурную среду и биографию Хайяма отличается просветительским характером, их комментарии, исследования и оценка рассматриваемых вопросов осуществлены в познавательном и просветительском ракурсе.

Русскими востоковедами при изучении жизни и деятельности представителей литературы различных периодов преимущественно был проявлен интерес к исследованию исторического и культурного положения того времени. Это способствовало выяснению действенных в идейном отношении направлений и тенденций, что также является одним из факторов осмысления реалий судьбы и жизненного пути персидско-таджикских поэтов.

Раздел завершён выверенными и обоснованными выводами диссертанта, заключающимися в шести пунктах.

В четвёртой главе диссертации – «Идейно-содержательная и художественно-стилистическая структура персидско-таджикской поэзии» исследованием охвачены идейно-содержательные и художественно-стилистические особенности структуры персидско-таджикской поэзии. Глава состоит из двух разделов, при этом второй раздел, в свою очередь, распределён на два подраздела.

В первом разделе главы, который назван **«Исследование и интерпретация идейно-содержательных особенностей художественного произведения»**, в частности отмечается, что идейно-содержательные особенности наследия представителей персидско-таджикской литературы, начиная со второй половины XIX века и в дальнейшие периоды, составляют важную часть исследования и оценки русских востоковедов, вследствие чего ими осуществлён цикл достойных размышления исследований.

Первый шаг в данном направлении был сделан также В.А. Жуковским и А.Е. Крымским, которыми были проведены первые поиски в области познания, анализа и разъяснения темы, содержания и идеи литературного наследия представителей одного конкретного периода и стихотворений персидско-таджикских поэтов. В частности, В.А. Жуковский в некоторых своих статьях, в частности, «Омар Хайям и «странствующие» четверостишия», наряду с другими вопросами исследовал содержательно-идейные особенности рубаятов Хайяма. Учёный установил в 33% этих рубаятов темы любви, вина, сластолюбия, в 43% – сетования на судьбу,

устроенность мира, людей, их слабости, зависимости и грубости, в 7% – темы обращения к Богу, и столько же о теософии, почти в 6% – темы назидания, философских мыслей и уроков жизни, в 4% рубаятов присутствует тема вольнодумия и мусульманского свободомыслия, в результате чего он приходит к заключению, что «таким образом, преимущественная часть «странствующих» четверостиший» по своему содержанию выражает воспевание утех жизни, богохульство и безнадежность³⁷. На основе этого проведенного им распределения он приходит к выводу, что «при описании его поэзии мы в основном можем опираться на содержание четырех последних групп, поскольку они менее сомнительны как материал». На основе этого В.А. Жуковский признаёт в Хайяме «предводителя мудрецов, устойчивого в своих убеждениях»³⁸. В некоторых других публикациях им также высказаны некоторые размышления о содержании и идее стихотворений Фирдоуси, Бобо Кухи и представителей литературы и теософии, что определяет его целенаправленную точку зрения в плане оценки данного вопроса.

Другим исследователем, который с самого начала проявил собственный почерк в процессе осмысления и изучения идейно-содержательных особенностей наследия представителей персидско-таджикской литературы различных периодов, является А.Е. Крымский. Исследователь в своих трудах ставит вопрос о мыслительных тенденциях и описаниях в творчестве Рудаки на примере «красочных картин» и жизнерадостных значений как доказательство их содержательности и более позднего происхождения факта ослепления поэта. Опыт этого учёного на примере структурно-семантического анализа касыды (оды) Рудаки «Бӯи чӯи Мулиён» (Ветер, вея от Мульяна) доказывает, что для него является важным «понимание единства содержания и формы, идейности и художественности произведения»³⁹. Исследование содержательно-идейных особенностей персидско-таджикского литературного наследия, в частности наследия представителей литературы различных периодов, было продолжено А.Е. Крымским на основе опыта «культурно-исторической» школы. Учёный также признаёт Джалолиддина Руми, Саади и Хусрава Дехлави представителями мистической литературы, и рассматривает содержание и идею их наследия.

После исследований В.А. Жуковского и А.Е. Крымского о содержании и идеях наследия Мавлави, пояснение и толкование этого вопроса в русском востоковедении наиболее полно было продолжено в научных трудах Е.Э. Бертельса и исследовании А. Болотникова «Омар Хайям (Философ-поэт-учёный)». Опыт Е.Э. Бертельса по осмыслению и оценке содержания и идеи наследия предков и комментарий к его критическому изучению в русском востоковедении представляет собой новую страницу, основанную на понимании и изучении научных вопросов. Его поиски на примере содержания и идей наследия Рудаки в те годы, когда была опубликована эта статья, были

---

³⁷ Жуковский В. Омар Хайям и «странствующие» четверостишия // Ал-музафарийе. – СПб., 1897. – С.263.

³⁸ Там же. – С.262.

³⁹ Крымский А.Е. История Персии, её литературы и дервишеской теософии. – Т.3. От эпохи монголов Джингиз-хана до водворения Сефевидов в Иране и Великих моголов в Индии XVI – XVIII вв. – М., 1914-1917. – С.124.

новым и содержательным словом в литературоведении. Е.Э. Бертельс перед тем, как провести анализ некоторых тем стихотворений Рудаки, в контексте реалий жизни рассмотрел источник стремления поэта к восхвалению и его вознаграждению с позиции Унсури и Азраки. Методом сопоставительно-исторического исследования стихотворений Рудаки исследователь выносит представление об истинном образе поэта и человека Адама поэтов, что подчёркивает его «безразличие к мирским благам и поучает бесстрастному отношению к жизни».

Произведения Е.Э. Бертельса о Фирдоуси и состоянии его наследия относятся к числу первых исследований в российском востоковедении, изучающих содержательные и идейные особенности наследия поэта, и знакомящих читателя с его образом мыслей. По оценке Е.Э. Бертельса, содержание и идея находятся в центре художественной конкретики «Шахнаме» и играют важную роль в совершенствовании её художественной конструкции. Из поисков учёного выясняется, что Фирдоуси решил задачу воплощения этой сокровенной идеи путём реалистичного описания исторических и культурных событий различных периодов. Фирдоуси отобразил эту идею не в абстрактной форме, а на примере возвеличивания иранских земель в «Шахнаме».

В разделе даётся подробный обзор трудов русских востоковедов по анализу идейно-содержательных особенностей поэтического наследия таких мало изученных авторов, как Дакики, Фаррухи, Унсури, Манучехри и других, изложенных в их многочисленных статьях и монографиях.

Во втором разделе четвёртой главы диссертации – **«Взгляды русских исследователей на художественно-эстетическую ценность и структурные особенности персидско-таджикской поэзии»** проанализированы вопросы художественно-эстетической ценности и структурных особенностей персидско-таджикской поэзии.

Как было отмечено ранее, раздел состоит из двух подразделов, первый называется **«Восприятие российских востоковедов к художественно-эстетической структуре стихотворений и их творческой сути»**. В нём подвергаются анализу вопросы художественной структуры и творческой сути стихотворений некоторых представителей различных периодов персидско-таджикской литературы, в отношении которых завершены серьёзные исследования, достойные размышления. Первыми исследователями художественной структуры и творческой сути стихотворений некоторых поэтов различных времён были В.А. Жуковский, А.Е. Крымский, Е.Э. Бертельс, А.Н. Болдырев, И.С. Брагинский, М.Л. Рейснер, З.Н. Ворожейкина и некоторые другие. Ими на основе цитат из исторических источников подчёркивается преобладание рациональности, утончённость интонации, точность определений, активизация размышления, красота изложения, логичность сентенций, простота и насыщенность описаний, и особенно философичный способ выражения мысли персидско-таджикскими литераторами. Так, В.А. Жуковский в общих чертах выразил свои мысли об особенностях художественной структуры стихотворений Рудаки, Фирдоуси и

некоторых других поэтов в связи с другими вопросами композиции их наследия, и вычленил как один из факторов преобладания места персидско-таджикского стихотворения его творческий аспект. По его мнению, если касыда Рудаки придавала устойчивость элементам восхваления, которые являются описательными, и художественной структуре этого жанра, то Абулькасимом Фирдоуси национальный эпос был усовершенствован благодаря применению элементов образного исторического, мифологического и естественного описания. Стихотворения Абусаида также отличаются естественностью, описательностью и отображают действительность⁴⁰.

А.Е. Крымский среди российских востоковедов снискал славу одного из первопроходцев, предметно изучивших художественные особенности стихотворений персидско-таджикских поэтов. По утверждению известного таджикского литературоведа А. Мирзоева, А.Е. Крымским были осуществлены плодотворные поиски в сфере содержательно-художественной и эстетической структуры стихотворений Рудаки, которые он признаёт первым достоверным шагом в данном направлении⁴¹.

Е.Э. Бертельс, всесторонне изучив художественную и эстетическую структуру касыды Рудаки «Модари май» (Мать вина), приходит к выводу, что «мифологизированное описание приготовления вина, содержащее в то же время множество вполне реалистических деталей», со стороны Рудаки придумано мастерски⁴².

Одну из особенностей художественной структуры касыд Рудаки Е.Э. Бертельс видит в осознанном применении гиперболизации, отличающейся своей простотой и доступностью для понимания. Учёный, анализируя оставшиеся касыды Рудаки, утверждает во мнении, что «для всех касыд Рудаки была характерна яркость, жизнерадостность, чувство наслаждения благами жизни. Обаяние стихов Рудаки в том, что он, описывая простейшие повседневные события, умел придавать им праздничную яркость⁴³.

Е.Э. Бертельс в своих трудах также оценивает художественные и эстетические особенности стихотворений таких поэтов как Шахид Балхи, Абузироа, Абушакур Балхи, Хусравони, Робиа, Кисои и Дакики, вкратце отмечает некоторые нюансы их таланта и мастерства, что представляет собой первый опыт осмысления художественных и эстетических особенностей наследия литераторов X века российскими востоковедами. Е.Э. Бертельс намного раньше иранских литературоведов, таких как Шафеи Кадкани, сумел, опираясь на опыт Фирдоуси, показать в «Шахнаме» «прекраснейшие описания стихотворений этого периода»⁴⁴ при описании образа Рустама и других личностей произведения, а также определить и конкретизировать его художественно-эстетические особенности. Точка зрения учёного по вопросу художественной и эстетической специфики женских образов в «Шахнаме»

⁴⁰ Жуковский В.А. Жизнь и речи старца Абу Саида Мейхенейского. Персидский текст. – СПб., 1889. – С.124.

⁴¹ Мирзоев А. Абу Абдулло Рӯдакӣ. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1958. – С.83.

⁴² Бертельс Е.Э. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. – М.: Наука, 1988. – С.146.

⁴³ Там же. – С.145.

⁴⁴ Бертельс Е.Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. – М.: Вост. лит-ра, 1960. – С.440.

также положительна, и охватывает творческие аспекты методов описания Фирдоуси. По его мнению, Фирдоуси при художественном изображении женских образов защищает «старые традиции», его героини «не те покорные рабыни, в которых превратил женщину ислам», а «эти женщины - достойные подруги действующих в поэме героев. Они знают, чего хотят, и всегда добиваются поставленной цели»⁴⁵.

Заводя дискуссию о касыдах Унсури, учёный подчёркивает их «монотонность, пустоту, вычурность и лживость», которые признаются им фактором не интересности такого наследия для читателя, что, по мнению диссертанта, является дистанцированием учёного от реалий стихов этого поэта. В другом месте он меняет свою точку зрения и признаёт в жанре касыды «ценнейший исторический источник», и подчёркивает её ценность в изучении языка, и всё же с позиции художественности считает достойными размышления только некоторые её бейты.

Одним из востоковедов, внесших свой весомый вклад в осмысление художественных и эстетических особенностей персидско-таджикского стихотворения и творчества отдельных её представителей, является И.С. Брагинский. Всесторонне анализируя вопрос поэтического мастерства Рудаки в монографии «Абуабдулло Джафар Рудаки» (2009), И.С. Брагинский выявил закономерности структуры его стихотворений, и обратил пристальное внимание не на отдельные особенности, а в комплексе на все аспекты художественно-эстетического построения того или иного стиха, в результате чего проявилось всё величие поэзии Рудаки и подтвердилось, что он был самым выдающимся мастером слова.

Следует отметить, что лирика более ясно отображает эмоциональную и эстетическую суть художественного произведения. Тема произведения состоит не только из описания предметов и событий, но и из выражения отношения поэта к стилю исполнения стихотворений. В этом смысле учёные-востоковеды Р.М. Алиев и М.-Н.О. Османов для определения творческого мастерства Хайяма провели анализ структуры рубаятов, в рамках которого уделили серьёзное внимание эмоциональным и творческим возбудителям. В данном случае они видят талант поэта в том, что отличается не только сюжет рубаятов, но и «в некоторых из них каждая строка стихотворения имеет самостоятельное значение»⁴⁶. Под влиянием метода анализа, который исследователь В.Е. Холщевников признаёт неверным, Р.М. Алиев и М.-Н.О. Османов в большинстве случаев тяготели к реалиям, и не обращали внимания на вопрос творческого «развития лирического образа» (В.Е. Холщевников). Ими четверостишия Хайяма «по тематике, композиции, метрической системе, средствам описания» признавались «чрезвычайно различными», в частности, они истолковали как мастерское применение поэтом рифмовки. На основе анализа описаний Хайяма исследователи пришли к выводу, что «Хайям широко использовал различные описательные средства, в том числе и игру слов, синонимы и антонимы, применил звуковые повторы - аллитерацию,

⁴⁵ Там же. – С.226.

⁴⁶ Алиев Р.М., Османов М.-Н.О. Омар Хайям. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С.61.

ассонансы, что всегда подчинено содержанию. Хайям никогда не использовал формальные методы в своих целях. Например, в одном из рубаятов он применяет синоним слова «бодасаро», но действительно мастерская игра слов служит цели выражения различных значений слова и для большего его раскрытия, а не наоборот»⁴⁷.

В завершении раздела диссертант приходит к следующему важному выводу: русские востоковеды в основном обратили внимание на аспект восхваления и описания Хайяма, благодаря чему им удалось выявить его творческую суть и цель, что охватывает различные стороны поэтического мастерства Хайяма. Несмотря на это, востоковеды в ходе анализа и оценки структуры рубаятов поэта смогли зафиксировать и прокомментировать использование художественных искусств, применение слов, характеризующих неодушевлённые предметы, описание природы, использование синонимов и других элементов творческой индивидуальности Хайяма, что было достигнуто ими в результате проведения поисков художественно-эстетических особенностей его творчества, что является опытом ценного исследования.

Во втором подразделе второго раздела четвёртой главы – **«Стилистическое своеобразие персидско-таджикской поэзии в восприятии русских востоковедов»** рассмотрена специфика стиля персидско-таджикской поэзии с позиции российских востоковедов, которые не ограничиваются только лишь спецификой времени в данном вопросе.

Вопрос стиля сочинения отдельных представителей и конкретных периодов входил в круг интересов В.А. Жуковского, А.Е. Крымского, Е.Э. Бертельса, А.Н. Болдырева, И.С. Брагинского и других, которые внесли свою достойную лепту в осмысление способов написания некоторых представителей персидско-таджикской поэзии и общих особенностей стиля различных периодов. Так, в исследованиях, завершённых по вопросу творческой деятельности поэтов различных периодов, таких как Рудаки, Фирдоуси, Хафиз, Саади, Бедиль и других, диссертант приводит в работе конкретные размышления учёных об особенностях их индивидуального стиля и о связи их таланта со стилем написания времени их жизни. Но вопрос о стилях различных периодов, в частности механизма развития хорасанского, иракского и индийского стилей, отдельно исследован некоторыми исследователями, что определило суть фундаментальных поисков русских востоковедов в данном направлении. В связи с этим, поиски Е.Э. Бертельса и фундаментальные исследования М.-Н.О. Османова, З.Н. Ворожейкиной и Н.И. Пригариной в российском востоковедении были новым и содержательным словом, достойным отдельного рассмотрения и оценки.

Е.Э. Бертельс в своих исследованиях о жизни, деятельности и наследии литераторов кратко выразил свои мысли о стиле их сочинения. Им в данном направлении написаны две отдельные статьи, в одной из которых анализируется и оценивается стиль эпического наследия Унсури, а в другой

---

⁴⁷ Там же. – С.140.

исследуется вопрос об «индийском стиле» в персидской поэзии». Исследователь ставит перед востоковедами вопрос о том, что если признать реальное существование индийского стиля, то необходимо определить характерные особенности его структуры. Когда это дело будет завершено, станет возможным также рассмотреть генезис и механизм формирования данного стиля. Эта мысль и предложение Е.Э. Бертельса было первым шагом на пути исследования и осмысления основной сути индийского стиля, что позже вызвало неподдельный интерес учёных области и в российском востоковедении.

Одним из исследований, в котором использован новый метод анализа, а также исследованы и оценены стилистические категории художественных текстов персидско-таджикских стихотворений, является труд востоковеда М.-Н.О. Османова, написанный в начале 70-х годов XX века под названием «Стиль персидско-таджикской поэзии IX-X вв.». Научное исследование М.-Н.О. Османова, прежде всего, представляет интерес с точки зрения создания стиля. Это произведение рассматривает метод статистического и научного анализа, и впервые в российском востоковедении изучает общие особенности персидско-таджикского стихотворного стиля периода X и XI веков, то есть *хорасанского стиля*. Отмечается, что М.-Н.О. Османов определил стили и стилистические категории художественного метода в классических персидско-таджикских стихотворениях с точки зрения реалистической литературы Европы и обозначил принципы её художественного изображения. Исходя из этого, по мнению диссертанта, для устранения сомнений и спорных вопросов возможно использование сопоставительного метода исследования и просмотр образцов стихотворений реалистичной классической персидско-таджикской литературы.

Исследователь в ходе анализа стиля стихотворений проясняет вопросы нескольких других стилистических категорий, в частности общего и частного, наличия и отсутствия условностей, тяготения к застывшим или свободным формам, соотношения динамики и статики. Благодаря этим категориям для читателя становятся очевидными понятия истинно художественного стиля и его границ. Труды учёного по стилистике персидско-таджикской литературы данного периода могут послужить в качестве путеводителя при дальнейших научных разработках в данной области.

Автор реферируемого исследования приходит к выводу о том, что научные труды М.-Н.О. Османова являются серьёзным и целостным литературоведческим направлением в изучении стиля персидско-таджикской поэзии. В этих трудах автор в связи с художественным стилем поэзии рассматриваемого периода впервые выносит на всеобщее обсуждение и решает многие теоретические и практические вопросы истории литературы, что не имеет аналогов в российском востоковедении.

Другим вопросом, ставшим объектом пристального внимания и интереса некоторых русских востоковедов, является *индийский стиль*. В этом направлении, хотя и были осуществлены некоторые труды, в частности написаны статьи Е.Э. Бертельса, З. Ризоева, В. Хайнца и других, всё же по

сравнению с ними научный труд Н.И. Пригариной под названием «Индийский стиль и его место в персидской поэзии» расценивается как серьёзный шаг на пути изучения данного высоко содержательного стиля.

По наблюдению учёной, действительно, большинство поэтов первого уровня, пишущих в индийском стиле, в основном являются поэтами-выходцами из Ирана, Хорасана и Мавераннахра. Это поэты Назири, Урфи, Толиб Омули, Зухури, Калим, Шавкат и другие. Соответственно, исследователь в своей диссертации, в основном, размышляет вокруг наследия этих авторов. Конечно, исследователь также выразила свои мысли о таких поэтах как Файз Дакани, Фони, Гани Кашмири, Носирали, Зебуниссо, Бедиль, родиной которых была Индия. Н.И. Пригарина, опираясь на достоверные документы, отрицает распространённую мысль о литературе постклассического периода (после XV века) как об эпохе спада. Она справедливо считает и истолковывает индийский стиль как логическое и естественное продолжение развития формальных стилей предыдущих периодов, в частности иракского стиля.

Из наблюдений Н.И. Пригариной следует, что индийский стиль отличается от предшествующих стилей утончённостью фантазии, созданием смыслов, тонкостью размышлений, краткостью, нравственным и социальным духом и содержанием, тяготением к иносказанию, простотой языка, сложностью и удивительностью способа выражения. Конечно, этот стиль, в определенной степени, хранит в себе старые содержания и поэтические символы, но при этом в нём проскальзывает свежий, нестандартный и новый способ выражения, и всё это выставлено напоказ в форме бейта. Становление этого стиля, в основном, строится на создании новейших значений, поэтических фантазий, необычных искусствах и приёмах использования слов, что в комплексе привело к усложнению стихотворного стиля. Эта усложнённость в наследии таких литераторов, как Ходжа Хусайн Санои, Шавкат Бухорои, Касим Дивана Машхади, Носирали Сархинди, Кимат Паджаби, Бедиль Дехлави и других, достигла уровня извращённости и привела к тому, что народ отвернулся от стихотворений данного стиля. Следует отметить, что сложные и запутанные аллегории, метафоры и гиперболы, применение искусств ихом и ибхом, игра слов и пр. иногда доводили стихотворения до уровня загадок и ребусов.

Диссертант справедливо отмечает, что наряду с весомыми достижениями, в данные исследования проникли незначительные недостатки, отметить некоторые из которых считается необходимым. В частности, исследователями темы рассматриваются на основе мистицизма и теософии, тогда как эти направления исследований не вполне соответствуют темам индийского стиля, поскольку в период становления индийского стиля мистическая и суфийская поэзия начала приходить в упадок. Конечно, суфийские термины и символы имели большое влияние на стихотворения поэтов этого стиля, но связь их появления и формирования с теософией выглядит неубедительно.

В завершении раздела автор исследования в четырёх пунктах излагает свои выводы и умозаключения.

В **Выводах** диссертации подводится итог научных результатов исследования. Подводя итоги, полученные в результате детального анализа научных трудов, знаменующих основные направления методов поиска русских востоковедов в целях осмысления и оценки персидско-таджикской литературы, диссертант пришёл к выводам, наиболее важными из которых являются следующие:

1) Наука востоковедения в России зародилась в XVIII веке, при этом основным фактором её появления и развития стал период первоначального накопления капитала колониальной политики, что создало предпосылки для исследования и оценки таджикской и персидской истории, языка и литературы. По более точному выражению, появление и формирование этой области было связано с политическими, экономическими, культурными и литературными взаимоотношениями персоязычных народов с Россией в различные периоды истории. Направление их развития определили традиции, которые сформировались на определённом промежутке времени под влиянием дружеских связей этих народов.

2) Русское востоковедение охватывает два этапа формирования и развития, первый из которых сформировался на основе дипломатических связей, литературной и духовной интеграции России с персоязычными странами и постепенно развивался под влиянием характерных научных направлений.

3) Второй этап формирования русского востоковедения соответствует эпохе Петра Великого, формированию и развитию которого оказало содействие в политическом, социальном и культурном положении России во второй половине XIX века и последующих периодов. Наряду с этим, социально-культурные связи Ирана и России расширили возможности для развития науки востоковедения. Именно в этот период в городах Санкт-Петербург и Москва появились центры по изучению персидско-таджикского языка и литературы, что создало основу для глубокого исследования персидско-таджикского языка и литературы.

4) В советский период и после него протекал заключительный этап развития русского востоковедения, который начался в двадцатые годы прошлого века, формировался и развивался под влиянием политики коммунистической партии и советского государства. Именно в этот период в некоторых советских республиках были основаны центры востоковедения, на всестороннее развитие которых, в целом, оказали влияние направления российского востоковедения.

5) Одним из влиятельных факторов формирования и развития науки востоковедения в данный период было укрепление дипломатических отношений между Россией, Ираном и странами Центральной Азии. Это благоприятствовало оптимизации деятельности русских востоковедов и их устремлённости к исследованию истории персидско-таджикской литературы,

основанию центров обучения и исследования в различных регионах России, в частности, в Петербурге, Москве и Казани.

6) Русские востоковеды вначале преимущественно занимались исследованием и изучением социальных, политических и исторических вопросов, а в дальнейшем постепенно подключились к изучению и оценке литературного и культурного наследия персидских народов, в частности, таджиков. Эта профессиональная тенденция заложила основу для появления и формирования школы русского востоковедения, одним из приоритетных направлений которой является исследование истории персидско-таджикской литературы, что в конце XIX и начале XX веков превратило её в мировой центр востоковедения.

7) Русские востоковеды наряду с изучением и исследованием истории литературы и литературного наследия персоязычных народов тесно взаимодействовали в области перевода и постоянного издания великого наследия персидско-таджикской литературы. В это благое дело свой достойный вклад внесли такие известные исследователи, как В.В. Бартольд, А.Е. Крымский, К.А. Иностранцев, В.Р. Розен, Е.Э. Бертельс, В.А. Жуковский, А.Н. Болдырев, К.Г. Залеман, Б.В. Миллер, И.Н. Березин и десятки других учёных, что способствовало определению направлений и методов дальнейшей деятельности востоковедов.

8) Методы исследования и оценка истории персидско-таджикской литературы и художественного наследия в российском востоковедении постепенно сформировались под влиянием духовных потребностей, исторического самосознания российского общества и культурно-исторической школы исследования. В данном направлении достойным осмысления является научный опыт В.А. Жуковского, А.Е. Крымского, Е.Э. Бертельса, А.Н. Болдырева, И.С. Брагинского, Д.С. Комиссарова, В.Б. Никитиной, З.Н. Ворожейкиной, О.Ф. Акимушкина, В.Б. Кляшториной и других. Оценка литературного и исторического осознания персидско-таджикской литературы этими учёными стала основным объектом данного научного исследования. Научные труды, завершённые в данном направлении, представляют собой образец нового взгляда и целенаправленной оценки теоретических и практических вопросов истории персидско-таджикской литературы и художественного наследия русскими востоковедами, что характеризуется прочной методологической и теоретической основой.

9) Одним из фундаментальных вопросов русского востоковедения является проблема периодизации персидско-таджикской литературы. Русскими востоковедами при определении особенностей одной литературной системы были приняты во внимание такие факторы, как историческое, культурное, социальное и политическое положение, что они сочли признаками истинной периодизации и номинации литературных периодов. В данном направлении историческая периодизация литературы по правящим династиям и хронология определяют научную концепцию русских востоковедов.

10) Русскими востоковедами направления периодизации литературы признаются на основании значимости видов или жанров, а также общих литературных стилей и школ в сопоставлении с предпочитаемыми, поэтому они считают неприемлемой формалистическую и структуралистическую многовекторность.

11) В результате осуществлённых исследований исследователи пришли к выводу, что невозможно понять ни один литературный вид, форму, стиль или школу, в механизме исследований которых полностью проявляются характерные особенности процесса развития и совершенствования литературы различных периодов, отличающие один литературный период от другого. Так, методологический недостаток периодизации литературы на основе исторических, политических и социальных событий исследователи видят в том, что с точки зрения сторонников данного направления, литературные переложения относятся к политическим и социальным событиям, а творческие явления литературы во внимание не принимаются.

12) Проведённые российскими учёными исследования доказывают, что несмотря на свои положительные стороны, историческая периодизация не обладает единственным и проверенным критерием непосредственного осмысления творческих аспектов литературы. Основным недостатком этой периодизации литературы состоит в том, что к ней применяется периодизация исторических и литературных процессов, политические и социальные тенденции составляют основу методологии этого направления, что отдаляет его от действительности литературной и творческой жизни.

13) Российские учёные признают важность периодизации литературы с идейно-содержательной точки зрения и формы, включающей компоненты творческого процесса, тему, содержание, глубинную суть, средства описания, инструменты выражения, способы создания художественных описаний, образы личностей, творческие стили и методы, которые, к сожалению, ещё не применялись.

14) Опыт русских востоковедов в процессе исследования и оценки истории персидско-таджикской литературы выявляет две тенденции, одна из которых заключается в реальном изучении механизмов развития истории литературы и творчества её представителей, а другая состоит в подчинении правящей идеологии времени и дистанцировании от действительности процессов формирования и развития литературной жизни.

15) Русскими востоковедами в первый период развития этой области был сформирован самостоятельный метод изучения, исследования и оценки персидско-таджикской литературы, основанный на осмыслении действительности литературной жизни и содержащий исторические, социальные и творческие аспекты. В этом плане важным и ценным является опыт исследований В.А. Жуковского, А.Е. Крымского, В.В. Бартольда, К.А. Иностранцева, В.Р. Розен и других по изучению проблем истории персидско-таджикской литературы и культуры.

16) Другой аспект направления развития науки русского востоковедения состоит в подчинении её методов механизму правящей идеологии, которая на

практике воздействовала на научные и идейные позиции и концепции и имела как положительные, так и отрицательные стороны. Несмотря на политические и идеологические перипетии 20-х и 30-х годов прошлого века и последующего времени, русские востоковеды были заняты исследованием фундаментальных вопросов истории литературы и творчества представителей различных периодов персидско-таджикской литературы, благодаря чему ими был осуществлён ряд достойных и важных трудов, образцами которых являются публикации Е.Э. Бертельса, А.Н. Болдырева, И.С. Брагинского и других.

17) Исследование вопросов периода жизни, литературного круга и наследия представителей различных периодов персидско-таджикской литературы составляет основное направление научных поисков русских востоковедов. Эта тенденция с самого начала имела просветительскую суть и основывалась на исторических и литературных документах. Смысл всех этих поисков состоял в изучении и оценке целенаправленного развития персидско-таджикской литературы и особенностей наследия её представителей.

18) Проблемы изучения периода жизни, литературного круга и наследия представителей различных периодов персидско-таджикской литературы исследованы русскими учеными с позиции хронологии, что сформировало устойчивые научные критерии и дало им статус основоположников этого направления и крупных специалистов в данной области. Российские учёные в исследовании этой темы уделили пристальное внимание к изучению исторического и литературно-культурного положения различных периодов персидско-таджикской литературы, что позволило определить важные направления и тенденции литературного механизма, и стало одним из основных факторов осмысления действительности времени, судьбы, жизни, деятельности и творчества литераторов. Так, исследование и оценка ступеней развития литературы, духовного и творческого, общественно-политического развития времени, литературного круга, человеческой и творческой судьбы представителей литературы относятся к числу целенаправленных тенденций русского востоковедения.

19) В некоторых исследованиях периода жизни, литературного круга и наследия литераторов преобладают тенденции классовости и оценки рассматриваемого вопроса с точки зрения воинствующего атеизма. Исследователи порой отдаляются от контекста реалий литературной жизни. Такие отрицательные тенденции наблюдаются в исследованиях и публикациях А. Болотникова, С.П. Морочника, Б.А. Розенфельда и некоторых других учёных.

20) В изучении и оценке вопросов периода жизни, литературного круга и наследия представителей разных этапов персидско-таджикской литературы основная проблема заключается в несовершенстве информации, этот фактор порой препятствует глубокому осмыслению времени и судьбы творческой личности в литературе. Некоторые исследователи, опираясь на «праздные разговоры» и сведения, порой не добивались реальности в осмыслении комментариев жизни и судьбы её представителей и это направление привело

к тому, что порой они отдалялись от истины и описывали полные противоречий образы литераторов, в частности, образ Хайяма.

21) Исследование и изучение идейно-содержательных особенностей наследия представителей различных периодов персидско-таджикской литературы является одним из фундаментальных вопросов русского востоковедения, который, начиная со второй половины XIX века и в дальнейшем, входит в круг интересов учёных области. Это направление исследований сложилось под влиянием культурно-исторической школы, и на протяжении многих лет определяло основные тенденции развития данной области. В целях осмысления, анализа и изучения этого вопроса в российском востоковедении первые шаги были предприняты В.А. Жуковским и А.Е. Крымским, которые в своих исследованиях систематизировали и дали пояснения темам любви, вина, сластолюбия, жалоб на судьбу и время, непостоянства мира, немощность и зависимость человека, вопросам нравственности, вольнодумия, фатализма и богохульства и пр. в наследии литераторов.

22) В дальнейшие периоды развития русского востоковедения, особенно в советский период, у российских учёных-востоковедов в приоритете был вопрос осмысления тематической, идейно-содержательной и художественной структуры наследия персидско-таджикских авторов. В данный период исследователи проявляют интерес к изучению идей и содержания наследия представителей персидско-таджикской литературы, к тематическим и идейным направлениям. Ими рассмотрены и охарактеризованы политико-идеологические требования советского периода, о чём свидетельствуют научные труды А.Е. Крымского, Е.Э. Бертельса, С.Б. Морочника, Б.А. Розенфельда, Р.М. Алиева, М.-Н.О. Османова, А. Болотникова, А. Тагирджанова и других, в которых определены основные направления научных поисков. В завершённых исследованиях, начиная с темы, содержания и идей литературного наследия древней литературы до последующих периодов, исследовано и оценено творчество отдельных поэтов, таких как Рудаки, его современников Дакики, Фирдоуси, Хайям, Хафиз, Саади и других.

23) Во второй период развития русского востоковедения, особенно после 70-х годов XX века, исследование и изучение тематики, содержания и идей наследия литераторов встречается в трудах российских учёных Е.Э. Бертельса, И.С. Брагинского, А.Н. Болдырева, К.Г. Залемана, Б.В. Миллера, Д.С. Комиссарова, В.Б. Никитиной, К.И. Чайкина, З.Н. Ворожейкиной, О.Ф. Акимовской, В.Б. Кляшториной, М.-Н.О. Османова и других, которыми определены особенности эстетического творчества и, в большинстве случаев, суть их поисков состоит в осмыслении «тематического образа», что расценивается как новейшее и важное направление в русском востоковедении этого периода.

24) Отдельным вопросом, который на всех этапах развития русского востоковедения становился предметом исследования учёных, является стиль персидско-таджикского стихотворения. С этой точки зрения, востоковедами изучены общие вопросы стиля, а также стиля отдельных поэтов различных

периодов. У истоков этих поисков стояли такие учёные как В.А. Жуковский, А.Е. Крымский, Е.Э. Бертельс, И.С. Брагинский, М.-Н.О. Османов, научные труды которых стали первым и ценным опытом в осмыслении особенностей индивидуального стиля эпохи.

25) В российском востоковедении вопрос индивидуального и периодического стиля впервые был конкретно рассмотрен Е.Э. Бертельсом. Этим учёным исследован индивидуальный стиль Унсури на основе наследия поэта, дошедшего до нашего времени, в рамках которого он ведёт речь о стилистической структуре наследия поэта, в частности, языкового состава и использования персидских слов, как о признаке характерного стиля написания Унсури. Его вывод состоит в том, что Унсури при описании воздерживается от применения ограниченных арабских слов и, преимущественно, использует слова общего употребления. Ещё одним элементом стилистической структуры наследия поэта этот учёный считает «средства изобразительности», эпитеты, «стандартные сочетания», метафоры и художественные искусства, и благодаря этому методу он конкретизирует суть стилистических поисков в творчестве Унсури. Вопрос индийского стиля и его творческой сути также впервые вынесен на обсуждение Е.Э. Бертельсом.

26) В комплексном исследовании периодического стиля большую роль сыграла фундаментальная диссертация М.-Н.О. Османова под названием «Стиль персидско-таджикской поэзии IX-X вв.», где исследователь, используя статистический метод научного анализа, впервые определил особенности периодического хорасанского стиля. Исследователем дана оценка стилеобразующих элементов, которые способствуют описанию искусства противоположности (тазод), он признаёт функциональность и конкретизированный характер соотношения чувства стилистической структуры этого периода. Исследование и изучение сути творческого метода, как стилистической категории, и проведение сравнительного анализа стиля написания поэтов IX-X веков принадлежат к числу передовых инициатив М.-Н.О. Османова. Кроме того, учёный, осуществив анализ и определение стилистической категории частного и общего, наглядно показал существование или отсутствие условности, связь с ограниченными и свободными формами, соотношение динамики и статики, которые составили основную суть этого художественного стиля и определили тематику его публикаций, что в российском востоковедении считается инициативой, не имеющей аналогов.

27) Среди стилей определённого периода на различных этапах времени индийский стиль был объектом изучения таких учёных, как Е.Э. Бертельс, З. Ризоев, В. Хайнс и другие, но самый первый комплексный научный труд на данную тему завершила Н.И. Пригарина. Научный вывод этого исследователя заключается в том, что индийский стиль как термин появился в XIX веке, и его появление не связано с Индией. Но время его формирования и распространения соответствует миграции сефевидских поэтов Ирана на земли Великих моголов и периоду жизни «многочисленных меценатов». Н.И. Пригарина считает индийский стиль логическим и естественным

продолжением хорасанского и иракского стилей, которым была присуща утонченность фантазии, описательный способ создания смысла, краткость изложения, охват души и выражение глубинной сути нравственного и социального описания, использование эзопова языка, простота речи, усложнённый и удивлённый способ выражения мысли, свежесть и оригинальность способа описания, применение сложных и запутанных аллегорий, гиперболизация аллегорий и метафор, применение художественных искусств ихом, ибхом и игры слов, которые исследователь относит к специфическим свойствам творческой структуры данного стиля.

**Основное содержание диссертации отражено
в следующих публикациях:**

I. Книги и монографии:

1. Сайфуллаева, З.А. И.С. Брагинский – исследователь персидско-таджикской литературы: монография [Текст] / З.А. Сайфуллаева. – Душанбе: Шарки озод, 2016. – 335 с. (20,9 п.л.).
2. Сайфуллаева, З.А. История таджикско-персидской литературы: учебное пособие [Текст] / З.А. Сайфуллаева. – Душанбе: РТСУ, 2016. – 200 с. (23,8 п.л.).
3. Сайфуллаева, З.А. Жемчужина Востока: хрестоматия по таджикско-персидской литературе [Текст] / З.А. Сайфуллаева. – Душанбе: Шарки озод, 2022. – 384 с. (24 п.л.).
4. Сайфуллаева, З.А. Вклад русских востоковедов в исследование персидско-таджикской литературы (конец XIX в. – 70-е годы XX в.): монография [Текст] / З.А. Сайфуллаева. – Душанбе: РТСУ, 2024. – 380 с. (25 п.л.).

II. Список статей, опубликованных в научных журналах, рецензируемых ВАК Российской Федерации и ВАК Республики Таджикистан:

1. Сайфуллаева, З.А. И.С. Брагинский о вопросе периодизации истории таджикской литературы [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2015. – №3(50). – С. 264-270 (0,4 п.л.).
2. Сайфуллаева, З.А. Брагинский о восточном Ренессансе [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2016. – №1(52). – С. 280-289 (0,6 п.л.).
3. Сайфуллаева, З.А. Становление учёного-исследователя таджикской культуры и литературы И.С. Брагинского [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». – Душанбе: Сино, 2016. – №4/2 (199). – С.187-195 (0,5 п.л.).
4. Сайфуллаева, З.А. И.С. Брагинский о проблемах мастерства классического стихотворения [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник

Таджикского национального университета. Серия «Филология». – Душанбе: Сино, 2016. – №4/1(195). – С. 239-246 (0,4 п.л.).

5. Сайфуллаева, З.А. И.С. Брагинский об «Авесте» как источнике устной литературы таджикского народа [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». – Душанбе: Сино, 2016. – №4/3 (203). – С. 205-208 (0,2 п.л.).

6. Сайфуллаева, З.А. Историк-востоковед И.С. Брагинский на фронте [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2017. – №3/5. – С. 157-160 (0,2 п.л.) (на тадж. яз.).

7. Сайфуллаева, З.А. Проблемы периодизации таджикско-персидской литературы с точки зрения русских востоковедов [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филологические науки». – Душанбе: ТНУ, 2021. – №1. – С. 111-117 (0,4 п.л.) (на тадж. яз.).

8. Сайфуллаева, З.А. Исследование жизни и наследия Мавлоно в России [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2022. – №3-4(78). – С. 194-201 (0,4 п.л.).

9. Сайфуллаева, З.А. Жизнь и наследие Хаяма с точки зрения русских исследователей [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2023. – №8. – С. 215-223 (0,5 п.л.).

10. Сайфуллаева, З.А. Исследование жизни и наследия Мавляна в России [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2023. – №9. – С. 232-238 (0,4 п.л.) (на тадж. яз.).

11. Сайфуллаева, З.А. Перевод как связующее звено таджикско-русских литературных взаимоотношений [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет): спецвыпуск, посв. Году русского языка как языка межнационального общения в Содружестве Независимых Государств. – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3(81). – С. 214-224 (0,6 п.л.).

12. Сайфуллаева, З.А. Навои и Джами: традиции дружбы и литературного взаимовлияния взаимоотношений [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2024. – №4. – С. 235-240 (0,3 п.л.).

13. Сайфуллаева, З.А. К вопросу о проблематике перевода персидско-таджикской поэзии на русский язык [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2024. – №5. – С. 231-239. (0,5 п.л.).

14. Сайфуллаева, З.А. Этапы становления и развития российского востоковедения [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2024. – №7. – С. 212-219 (0,4 п.л.) (на тадж. яз.).

15. Сайфуллаева, З.А. Поэтический опыт Хайяма с точки зрения русских востоковедов [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2024. – №8. – С.168-172 (0,5 п.л.) (на тадж. яз.).

16. Сайфуллаева, З.А. Исследователь и первооткрыватель Хайяма [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2024. – №8. – С.249-254 (на тадж. яз.).

17. К вопросу идеологизации изучения персидско-таджикской литературы [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – № 2(84). – С.168-177 (0,6 п.л.).

18. Этапы формирования и эволюции русского востоковедения [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – № 2(84). – С.179-191 (0,75 п.л.).

19. К проблеме периодизации персидско-таджикской литературы [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №3(85). – С.200-209 (0,6 п.л.).

20. Жизнь и наследие Хайяма с точки зрения русских востоковедов / З.А. Сайфуллаева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – № 4(86). – С.135-144 (0,6 п.л.).

III. Статьи, изданные в других научных журналах и сборниках:

1. Сайфуллаева, З.А. И.С. Брагинский и вопросы изучения таджикского фольклора [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Материалы научно-практической конференции ППС и студентов КТГУ им. Н. Хусрава (19-22 апреля 2013 г.). – Курган-Тюбе: КТГУ, 2013. – С.37-38 (0,1 п.л.).

2. Сайфуллаева, З.А. Вклад И.С. Брагинского в изучение таджикской культуры и литературы [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Ирано-Славика. Ежеквартальный научный журнал. – М., 2014. – №3-4 (26-27). – С. 30-32 (0,1 п.л.).

3. Сайфуллаева, З.А. Неизвестные страницы военной истории (военная заметка востоковеда И.С. Брагинского) [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Великая Отечественная война: источники и исторические последствия Победы: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Великой Победы. – Душанбе: РТСУ, 2015. – С.201-207 (0,4 п.л.).

4. Сайфуллаева, З.А. Вопросы взаимовлияния литератур и западно-восточный синтез с точки зрения И.С. Брагинского [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Материалы научно-практической конференции ППС и студентов КТГУ им. Н. Хусрава (21-22 апреля 2015 г.). – Курган-Тюбе: КТГУ, 2015. – С. 41-43 (0,1 п.л.).

5. Сайфуллаева, З.А. Жемчужина Востока [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Материалы научно-практической конференции ППС и студентов КТГУ им. Н.Хусрава (21-22 апреля 2015 г.). – Курган-Тюбе: КТГУ, 2015. – С. 38-41 (0,2 п.л.).

6. Сайфуллаева, З.А. Вклад И.С. Брагинского в формирование таджикской литературоведческой науки [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Вклад русской интеллигенции в развитие науки и культуры Тад-жикистана: материалы Международной научной конференции (17 нояб. 2017 г.). – Душанбе: Визави, 2018. – С. 336-344 (0,5 п.л.).

7. Сайфуллаева, З.А. И.С. Брагинский о взаимовлиянии литератур и западно-восточном синтезе [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Тезисы Первого международного конгресса Евразийской ассоциации иранистов (20–21 апреля 2019 г., г. Санкт-Петербург). Электронная публикация. – СПб.: Ин-т восточных рукописей РАН, Государственный Эрмитаж, Ин-т востоковедения РАН [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://istina.ipmnet.ru/collections/295911995/>. – С. 68 (0, 1 п.л.).

8. Сайфуллаева, З.А. В шаге от фронта: таджикская советская литература в тылу [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны: (к 80-летию начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.): материалы Международной научно-практической конференции (май 2021г.). – Челябинск: ЮУГУ, 2021. – С. 483-490 (0,4 п.л.).

9. Сайфуллаева, З.А. Особенности устаревшей лексики таджикского языка [Текст] / З.А. Сайфуллаева // LXXV Герценовские чтения: материалы Международной научной конференции (14-15 апреля 2022 г., г. Санкт-Петербург). – СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 2022. – С. 220-225 (0, 3 п.л.).

10. Сайфуллаева, З.А. Имлои саҳеҳ ҳастии забон аст [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Стратегии и тренды развития журналистики, филологии и лингводидактики: материалы Международной научно-практической конференции (10 ноября 2023 г., г. Душанбе). – Душанбе: РТСУ, 2023. – С. 319-324 (0, 3 п.л.) (на тадж.яз.).

11. Сайфуллаева, З.А. Персидско-таджикская классическая поэзия: приемлемость перевода и некоторые проблемы поэтического перевода на русский язык [Текст] / З.А. Сайфуллаева // Тезисы LI Международной научной филологической конференции им. Л.А. Вербицкой (19-26 марта 2024 г., г. Санкт-Петербург). – СПб.: СПГУ, 2024. – С. 1595-1597 (0, 1 п.л.).